

Нариман Абдрахманович АИТОВ

Н. А. Аитов (1925-1999) — окончил филологический факультет Казанского государственного университета, доктор философских наук (1967 г.), профессор (1970). Заслуженный деятель науки РСФСР. Основные области исследований: социальная структура, социология труда и управления, региональные проблемы.

НАРИМАН АИТОВ. ОСНОВАТЕЛЬ СОЦИОЛОГИИ В БАШКОРТОСТАНЕ

К моему сожалению, я никогда не встречался с Нариманом Абдрахмановичем Аитовым (1925-1999). Не бывал в Уфе, где он на протяжении многих лет жил и трудился и создал признанную школу башкирских социологов. Наши исследовательские интересы лежали в различных плоскостях, потому мы не встречались на социологических конференциях. Безусловно, как человек, давно работающий в социологии и включенный в социологическое сообщество, я знал о работах Аитова, понимал, что он принадлежит к поколению, создававшему советскую социологию, но и год назад не думал, что займусь изучением его жизни и творчества. Однако сейчас я испытываю исследовательскую и человеческую радость оттого, что познакомился с биографией Аитова и могу многим дать возможность хотя бы немного узнать о его жизнедеятельности, активном участии в формировании ряда важных исследовательских направлений в советской социологии. И, насколько я понимаю, рано или поздно фигура Н.А. Аитова должна была появиться в области моих историко-социологических изысканий. Все к этому шло.

Год назад, в начале февраля 2017 года я начал интервью с Еленой Николаевной Икингрин, которую давно знаю как одного из руководителей Российского общества социологов. К сожалению, наша совместная работа не завершилась, но Елена написала, что работала под руководством профессора Н. А. Аитова и много лет дружит с его вдовой — Зухрой Назаровой. В то время и заканчивал пространное интервью с Григорием Захаровичем Файнбургом, сыном Захара Ильича Файнбурга и постепенно вырисовывалось новое направление в моей работе - «О тех, кто сам о себе уже не расскажет...». Фактически, оно «завязалось» пару лет раньше, но я не выделял его в нечто самостоятельное.

В данном случае я не мог не начать сбор воспоминаний об Аитове, и уже 15 февраля отправил Зухре письмо с просьбой рассказать о ее покойном муже. Она согласилась и — более того — обещала всячески помогать.

Так оно и произошло. От Зухры стали поступать адреса коллег и учеников Аитова, она дала мне адрес младшей дочери Аитова, прислала некоторые документы, отражающие деятельность Аитова, фотографии. Мне повезло, Зухра работала в лаборатории Аитова и под его руководством защитила кандидатскую диссертацию.

В данном случае я не мог не начать сбор воспоминаний об Аитове, и уже 15 февраля отправил Зухре письмо с просьбой рассказать о ее покойном муже. Она согласилась и – более того – обещала всячески помогать. Так оно и произошло. От Зухры стали поступать адреса коллег и учеников Аитова, она дала мне адрес младшей дочери Аитова, прислала некоторые документы, отражающие деятельность Аитова, фотографии. Мне повезло, Зухра работала в лаборатории Аитова и под его руководством защитила кандидатскую диссертацию.

Все развивалось неплохо, Зухра подсказывала мне новые имена, люди соглашались вспоминать, образ Аитова начинал проясняться, но чего-то важного я не находил в нем. В начале 20-х чисел февраля Зухра написала мне, что имеет смысл обратиться к профессору Равилю Талибовичу Насибуллину, ученику Аитова, который многие годы возглавляет в Уфимском авиационном-техническом университете кафедру Аитова. На мое предложение Насибуллину рассказать об Аитове, он мне моментально ответил: «Мне очень повезло в жизни, что я работал с Нариманом Абдрахмановичем Аитовым. Он называл меня своим учеником – это честь для меня. Буду рад, если смогу быть полезным Вам в этом замечательном деле». Постепенно наш разговор об Аитове перерос в интервью о самом Равиле Насибуллине. Более того, оно разрослось и составило основу нашей общей книги «Социология в биографическом измерении», которая – предположительно – увидит свет в феврале 2018 года в Уфе.

И вот завершен коллективный портрет Наримана Абдрахмановича Аитова. Воспоминания составили два раздела. Первый – материалы интервью с его женой – Зухрой Назаровой. Второй – с младшей дочерью Аитова от первого брака – Лилей Елягиной – «Нариман Аитов в воспоминаниях родных».

Второй раздел озаглавлен: «Исследователь. Коллега. Учитель». Открывается он коротким текстом Жана Тощенко – коллеги и друга Аитова: «О феномене профессора Наримана Аитова». Эта заметка отчетливо показывает, как много сделано Аитовым для развития социологии и создания в Уфе, на Урале сильной самобытной школы башкирских социологов. Самый большой по объему материал подготовлен Равилем Насибуллиным – «Жизнь, отданная науке». Это – обстоятельный рассказ об Аитове исследователе, обеспокоенном социальными проблемами Башкирии и целенаправленно ищущем пути, методы их анализа и решения; педагоге – воспитавшим большое число социологов, ставших под его руководством кандидатами и докторами наук, и продолжающих дело своего учителя, наставника; человеке – преданном делу, ученикам и коллегам, семье.

Дополняют эту картину воспоминания Елены Икингрин, Светланы Поздяевой, Рашиата Ирнарарова и Гузэль Кунгурцевой. Все они – опытные исследователи и преподаватели, все – последователи Аитова.

Третий раздел назван: «Нариман Аитов – историк советской социологии», это – три текста Аитова о развитии социологии в Башкирии и о становлении советской социологии в целом. Исходя из признания мною биографичности творчества социологов, я интерпретирую эти статьи Аитова как существенную часть его биографии. Первый из трех текстов назван: «Развитие социологических исследований

в Башкирии». О биографичности этого текста не может быть никаких сомнений; итог сделанного башкирскими социологами – это – в определяющей степени – исследования Аитова, его коллег и учеников. Это и есть то, что названо Равилем Насибуллиным жизнью, отданной науке. Удивительно, насколько быстро в середине 60-х происходило становление социологии в Башкирии; потребность в социологии и процесс рождения науки – так получилось – запараллелились. Аитов оказался тем человеком, который смог соединить в своей деятельности два процесса: объективный (общественный заказ на социологические исследования) и субъективный (совокупность представлений о возможностях социологии и умений использовать ее теоретический и инструментальный арсеналы).

Небольшая заметка «Штрихи истории» сфокусирована на истории прикладных социологических исследований, проводившихся в Башкирии. Вот ее вывод: «Таким образом, в 60–80-х гг. в Башкирии сложилась школа социологии, занимавшая заметное место в советской науке».

Для меня особый интерес представляет небольшая статья Аитова «История с историей социологии», опубликованная в журнале «Социологические исследования». Это – рецензия на книгу «Социология России», вышедшую в 1996 году под редакцией В. А. Ядова. Аитов пишет: «Пахнуло нашей молодостью, поисками, мучениями тех лет. Эту книгу прочитал взхлеб, одним духом». В этой фразе – очень многое и главное – атмосфера, в которой молодые философы, экономисты, историки, журналисты в начале 1960-х годов осваивали новую науку и проверяли себя, «а на что мы способны». Аитов приветствовал эту первую попытку описать историю современной советской / российской социологии и заметил, что в книге «нет исторической неправды, искаженных фактов» Но при этом он указал на ряд серьезных недостатков в освещении недавнего прошлого и не согласился с отказом авторского коллектива от попыток оценить сделанное советскими социологами.

Очевидно, Аитов понимал, что в первой половине 1990-х еще сложно было дать анализ пути, пройденного советской социологией, и ратовал за продолжение исследований. При этом, один из главных его советов заключался в усилении внимания к деятельности социологов, работающих в регионах. Мне кажется, он много отчетливее других понимал неоднородность развития различных территориальных общностей огромной страны и потому обращал внимание будущих историков социологии на необходимость изучения теоретических построений и конкретных исследовательских практик в работе региональных социологов.

Я начал свой историко-социологический проект в 2005 году и через 2–3 года познакомился с этой статьей Н. А. Аитова. Безусловно, я согласился с его суждениями, но реально мог приступить к изучению биографий социологов, работающих в регионах, лишь в 2014 году. В настоящее время география моих бесед чрезвычайно широка. Опрошены многие социологи Екатеринбурга и Тюмени, Поволжья и Дальнего Востока, проведены интервью с коллегами, живущими в Калининграде и Улан-Удэ. Таким образом, заложены предпосылки для историко-социологического анализа развития социологии в российских регионах.

В целом же из воспоминаний людей, знавших Наримана Аитова, складывается его в высшей степени привлекательный образ. Это был человек, преданный своему делу, чутко улавливавший социальную проблематику и делавший все необходимое для развития социологии в стране и в Башкирии. Он создал уникальную школу исследователей, продолжающих дело своего учителя.

Раздел I. Нариман Аитов в воспоминания родных

Зухра Назарова: «Нариман прожил счастливую, но не очень долгую жизнь»

Зухра, прежде всего разрешите поблагодарить Вас за согласие рассказать о Вашем муже – Наримане Абдрахмановиче Аитове. Он, несомненно, входит в узкую группу тех ученых, которых мы сегодня называем первым поколением советских социологов, они во многом определили характер развития нашей науки. Но так случилось, что биография Н.А. Аитова, сделанное им в науке не нашли должного освещения в российской историко-социологической литературе. Нам предстоит несколько исправить эту ситуацию. Однако прежде всего, пожалуйста, расскажите о себе, о своей жизни. Кто Вы по образованию, по профессии. Когда и как Вы познакомились с Нариманом Абдрахмановичем?

В 1966 году я закончила школу. Мама хотела, чтобы я была врачом, а папа говорил, что я буду писательницей. В итоге победила мама, и я стала сдавать экзамены в медицинский. Поскольку химию не любила, ее благополучно завалила. Сижу дома, не знаю, что делать. Выручило мое увлечение спортивной гимнастикой. Мой тренер собирала команду для университета и предложила мне туда поступать на вечерний филфак и выступать на команду университета. Я посещала занятия дневного отделения и занималась спортивной гимнастикой.

По окончании третьего курса я вышла замуж. Муж также учился в университете на физмате. Я такая была наивная дурешка! Решила, что муж должен учиться и делать карьеру, а моя задача, как правильной жены, – помогать ему в этом. Я перевожусь на вечернее и начинаю искать работу. Полгода самостоятельных поисков ничего не дали, пока папа не сжалился надо мной. У него оказался знакомый, который работал на кафедре у Аитова, он и составил протекцию. В общем, в 1969 году меня приняли на работу лаборантом в социологическую лабораторию Уфимского авиационного института. Лаборатория была создана Аитовым Н.А. при кафедре научного коммунизма, заведующим которой он являлся.

Работа мне сразу понравилась. Опросы, анкетирование, выезды в поле, работа с людьми – все это было мое. Возглавлял лабораторию Яков Петрович Ладыжинский. Напротив по коридору располагалась кафедра философии и научного коммунизма. Аитов особого внимания на меня не обращал. Он весь был в делах, в науке. Зато обратил внимание доцент кафедры Джаудат Махмудович Гилязитдинов, который начинал писать докторскую диссертацию. Он выпросил меня у Аитова для технической помощи при подготовке диссертации. Я делала выписки из книг, печатала и т. д.

Аитова боготворили, уважали. Им восхищались и гордились. Он проводил многочисленные социологические исследования, писал книги, статьи, организовывал конференции. У него было много аспирантов, а позже и докторантов.

Расскажите пожалуйста, как Вы выходили замуж за Аитова, это потому интересно, что сразу дает образ человека...

С первой женой Нариман развелся тихо, без шума, никто не знал об этом на кафедре. Может он кому-то и говорил, но я не знаю об этом. После развода ему досталась машина и двухкомнатная квартира, куда он переехал со своей старенькой мамой. Вскоре после развода он вторично сделал мне предложение. В первый раз – за несколько лет до этого – но я была не готова к такому шагу. Нариман, не получив

моего согласия, сказал, что подождет и что все равно мы будем вместе. Он был очень упрямым и настойчивым. Всегда добивался своих целей. В итоге, все так и получилось. Через некоторое время он еще раз предложил мне руку и сердце. Я согласилась. Отказать я уже не могла и не хотела. Мы обсудили все вопросы о будущей жизни. У него были свои условия, у меня свои. Мы оба согласились на эти условия.

Нариман пошел знакомиться с моими родителями. Потом рассказывал, что очень волновался. Боялся, что его просто выгонят. Ведь он был только на год младше моей мамы. Мама была не против. Сказала мне: «Дочка, сама решай, тебе жить». И вот, 7 августа 1984 года мы зарегистрировались. Свадьбы не было. На работе никто ничего не знал. Для всех это оказалось неожиданностью. К Нариману в моей семье относились очень уважительно. Мой сын воспринял его как старшего друга и наставника.

В Уфе мы прожили пять счастливых лет. Нариман всем говорил — хоть пять лет счастья. Но мы прожили вместе 15 счастливых лет.

Нариману нравилось, что я — хозяйственная, хорошо готовила. Мы принимали много гостей по разным поводам — его коллег, приехавших на очередную конференцию, его учеников, сотрудников.

Он с гордостью приносил домой зарплату и говорил — мое дело — деньги зарабатывать, твое дело — тратить. Шутя говорил — моя Зухра ходит по магазинам со скоростью 60 рублей в час.

Сразу после женитьбы подарил мне поездку — круиз округ Европы. Вообще, был очень демократичным. Не запрещал мне приглашать друзей в гости, Не запрещал мне заниматься стрельбой и ездить на соревнования. Для меня это казалось очень важным на тот период.

Я, как только устроилась на работу в социологическую лабораторию, начала заниматься спортивной стрельбой из пистолета. Выполнила норму мастера спорта, была в составе студенческой сборной России, занимала призовые места. Меня даже приглашали в олимпийскую сборную, но я выбрала науку.

Зухра, что Вам известно о родителях, семье Наримана Абдрахмановича, об обстановке, в которой прошли его детские годы?

О своих родителях он мне мало рассказывал. Нариман был младшим ребенком в семье, у него был старший брат — Бельге. Лишь немного знаю о его маме — Фатиме Сафиевне Аитовой, которая в последние годы жила с семьей Нариман. Когда в апреле 1984 года он развелся у него осталась после развода двухкомнатная квартира, в которую он переехал с мамой. Когда мы поженились и соединили его двухкомнатную и мою однокомнатную квартиры, она жила с нами, у нее была отдельная комната. Мама Наримана была тихой, очень тактичной, деликатной, аккуратной. Ничего не рассказывала. Хотя память у нее была хорошая. Она прожила с нами совсем недолго, всего год, умерла 31 августа 1985 года тихо, во сне от склероза сосудов головного мозга. Ей было 83 года.

Работая в социологической лаборатории, Вы, наверное тоже включились в научные исследования и работали над кандидатской диссертацией?

Вспоминая прошлое, могу сказать, что в какой-то момент я почувствовала себя у Д. М. Гилязетдинова не совсем уютно. Сначала все было хорошо, он предложил поступать к нему в аспирантуру и стать моим научным руководителем. Аитов

был не против. Тема диссертации была дурацкая, мне не интересна, но нужна была Гилязетдинову – в русле его работы по этой тематике. Отношения с Гилязетдиновым не сложились. Диссертация была готова, но он постоянно все демонстративно чиркал, заставлял переделывать, критиковал и т.д. В общем, он загнал меня в угол, я оказалась в тупике. Несколько лет работы насмарку. В общем я решилась обратиться к Аитову. Он меня принял. Я ему все рассказала. Он прочитал диссертацию, сказал, что надо немного доработать, написать введение, заключение, список литературы и можно выходить на защиту. Он как заведующий кафедрой отстранил Гилязетдинова от руководства и сам стал моим научным руководителем.

Хотя Гилязетдинов пытался помешать, но я блестяще защитилась в 1981 году в Москве, в Высшей комсомольской школе при ЦКВЛКСМ (ВКШ).

После защиты, Вы продолжили работу на кафедре научного коммунизма.

Да, стала преподавать на этой кафедре. Коллектив состоял из «зубров», почти все – ученики Наримана. Человек 15. Женщин было двое: А. Ш. Ташбулатова, много старше меня, и я.

На кафедре царила творческая, научная атмосфера. Все принимали участие в исследованиях, писали отчеты и статьи, ездили на различные конференции. Постоянно кто-то защищался. Проходили предзащиты, обсуждения. Выходили сборники, все печатали свои статьи.

На конференций, кажется в Нижнем Тагиле, я познакомилась со Львом Наумовичем Коганом. Вот уникальный был человек! Его всегда сопровождала свита. Сотрудники записывали его перлы и стихи, которые он тут же сочинял экспромтом. И мне написал один стишок на бумажной салфетке.

На одной из конференций выступал Игорь Васильевич Бестужев-Лада. Это песня! Как он рассказывал! После его выступления я подошла к нему и спросила, как научиться так выступать? Он спросил: «Вы интеллигенция в каком поколении?». Я ответила, что во втором (мои родители оба из деревни. приехали в город, закончили институты. Мама – литературный, папа – физико-математический). А я – в седьмом, ответил Бестужев-Лада. И этим все было сказано.

В порядке самообразования я начала посещать лекции старших коллег. Особенно часто ходила на лекции к Аитову. Да и многие преподаватели посещали его лекции. Они поражали своей новизной, смелостью, глубиной. Я сидела на первой парте и слушала, раскрыв рот.

Сначала вела только семинарские занятия по научному коммунизму на старших курсах. Студенты – пассивно и незаинтересованно отсиживали на занятиях. Отношение было сугубо формальным. Они всем видом показывали, что просто зарабатывают оценки, так как по научному коммунизму был госэкзамен. Я добросовестно отработывала, старалась как-то оживить. Но для них – это «тоска зеленая». Студенты были зажаты, боялись сказать что-то лишнее или задавать острые вопросы. Ведь эта наука была очень политизирована. Надо было снять этот барьер. Начала много читать о психологии, методах преподавания и в итоге стала вести занятия по-новому. Использовала метод ролевых игр. Мы договорились, что докладчик озвучивает официальную точку зрения, а все остальные могут задавать вопросы от лица вымышленных людей. Например, от лица сельского жителя или журналиста западной газеты и т.д.

Что тут началось! Студенты как с цепи сорвались! Начались споры, дискуссии. Мне и рта не давали раскрыть. После занятий студенты подходили ко мне и благодарили. Говорили, что впервые за пять лет обучения в институте им так интересно. Молва о моих занятиях быстро распространилась. Ко мне на занятия начали приходить наши преподаватели. Сидели на задней парте и перенимали мой опыт.

Кафедра была дружной?

Безусловно, коллектив сложился дружным, интересным. Бывало соберутся все на кафедре и рассказывают анекдоты. И каждый день новые. И где только они их брали? И что было важно, они не сплетничали и не наушничали. В этом была заслуга Наримана. В любом коллективе всегда находились люди, готовые наябедничать, пожаловаться и осудить кого-то. Он пресекал это интересным образом. Если к нему в кабинет заходил кто-то и начинал наушничать, сплетничать, Нариман вставал и выходил из кабинета. Таким образом сплетни не приживались, склоки не распространялись. Обстановка была здоровая.

Нариман был смелым и честным ученым. Не боялся показывать недостатки, критиковать.

Как Вы оказались в Казахстане?

Мой сын Рустем от первого брака постоянно болел. У него был сахарный диабет с детства. Как-то он сказал мне, что не знает, сможет ли пережить еще одну зиму. Зимой темно и холодно. Оказывается есть такая болезнь — человек боится темноты и страдает от недостатка солнца и тепла. В Уфе климат в этом плане был суровый. С августа начинались дожди, и уже в октябре — снег, холодно и нет солнца. Зима — длинная, холодная. Весна — поздняя. Лишь к концу апреля начинали выглядывать солнце и таять снег. Лето короткое — лишь июнь и июль были солнечными и теплыми.

К тому же экологическая обстановка в Уфе была очень плохая. Вокруг Уфы располагалось 400 нефтеперерабатывающих и других предприятий. Эти заводы привезли из Украины во время войны, а там они были построены еще в царское время. Поэтому все взрывалось, горело и протекало, в почве был диоксин, в водопроводе — фенол.

В общем, мы решили перебираться в теплые края. Поближе к морю. Думали в Севастополь или Сочи. Но дело решил случай. Как-то Нариман отправился в Бишкек (столица Киргизии) на какую-то конференцию. Летел через Алматы. Там побыл несколько дней. Приехал и рассказывает, что город очень понравился. Там ему предложили возглавить кафедру социологии в институте повышения квалификации преподавателей общественных наук и развивать казахскую социологию, которая была в зачаточном состоянии. Меня также брали на кафедру доцентом.

Мы с сыном поехали в Алматы на разведку — посмотреть, что за город. Город понравился, климат тоже. Там 300 солнечных дней в году. Одно нас остановило, что там нет никого: ни родственников, ни друзей, ни связей, как в Уфе. В общем решили не переезжать. Но через некоторое время произошел случай, который явился причиной нашего переезда в Алматы.

На кафедре был такой преподаватель Р.Б. Камаев. Под руководством Наримана он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1987 году — и докторскую. Хотя, как говорили Нариман и другие преподаватели, работа не дотягивала, Нариман вытащил его на защиту, так как нужен был еще один доктор для открытия докторского совета по социологии.

Камаев был в дружеских отношениях с проректором. Так вот, сразу после защиты проректор решил поставить своего протеже на место Наримана. Нариман не держался за место зав.кафедры. Он говорил, что его тяготит административная работа. Он с удовольствием занимался бы только наукой, писал книги, проводил исследования. На свое место он предложил Рауля Насибуллина, которого видел своим преемником. Но к его мнению не прислушались.

Это обидело Наримана. Он пришел домой расстроенный и сказал мне, что больше не хочет работать в этом институте, и предложил переехать в Алматы. Я его поддержала как верная жена. Мы обменяли нашу 4-х комнатную квартиру на такую же в Алматы. Нариман переехал в январе 1989 года, а я с сыном в конце учебного года, когда он закончил 10 классов.

А как все складывалось с работой?

Незадолго до переезда в Алматы Нариман получил право открыть Совет по защите докторских диссертаций. К этому он стремился много лет. Докторский совет дали под его имя. А поскольку он к тому времени переехал в Алматы, совет автоматически оказался в Алматы. Вроде это был третий докторский совет в СССР после Москвы и Ленинграда.

В Алма-Ате сразу пошли защиты. У Наримана были уже готовые кандидаты и доктора. И хотя руководство института хотело, чтобы первым защищался казах, первым докторскую диссертацию в 1990 году защитил А.А.Баимбетов из Уфимского авиационного института, вторым в 1991 году защитил М.М. Тажин. В настоящее время он – президент Ассоциации социологов Казахстана (АСК), первый заместитель руководителя Администрации Президента Республики Казахстан. Всего в Алматы Аитов вывел на защиту в 13 человек. В докторском Совете Аитова защищались и из других городов Советского Союза. Первые иногородние докторанты и аспиранты часто обмывали защиту у нас в квартире. Времена были тяжелые. В ресторане дорого, а мы всех привечали и помогали.

Через несколько лет у Наримана совет отобрали под предлогом, а вдруг будут защиты на казахском языке. Нариман особенно не переживал, хотя может виду не показывал, ушел весь в научную работу.

использовании материалов BNews.kz в любых целях, кроме личных, гиперссылка на веб-сайт BNews.kz обязательна.

При использовании материалов BNews.kz:

– в печатных изданиях или в иных формах на материальных носителях – бумага, пленка и т.п., пользователь обязан в каждом случае указывать, что источником материалов является веб-сайт www.bnews.kz;

– в Интернете или иных формах использования в электронном виде, пользователь в каждом случае использования обязан размещать гиперссылку на главную страницу веб-сайта VNews.kz «www.bnews.kz».

Чем Вы занялись на новом месте?

Я начала заниматься бизнесом с 1991 года, а в 1992 году уволилась из института, так надо было зарабатывать на жизнь. И так получилось, что я стала основным добытчиком в семье. Вот уж когда у меня появилась возможность отблагодарить Наримана за все, что он сделал для меня. Два-три раза в год – в лучших санаториях. Постоянное наблюдение у лучшего кардиолога. Все-таки два инфаркта было в Уфе и в Алматы еще один – на следующий год после приезда. Мы не знали, что высокогорье противопоказано для тех, у кого высокое давление.

Но высокогорье сыграло свою роль. Летом 1999 года была очень большая солнечная активность. И ночью 17 августа 1999 года ночью случился удар. В заключении написано – острый инфаркт миокарда.

Нариман прожил счастливую, но не очень долгую жизнь. Не дожил 3 месяца до 74-летия. Он был полон творческих идей и планов. И многое еще мог бы сделать для науки. Но судьба распорядилась иначе. У каждого она своя и все предначертано.

В последний год своей жизни Нариман Абдрахманович Аитов написал книгу «Чубайсология», которую не успел издать. Я нашла эту рукопись в архиве и решила, что она должна увидеть свет. Многое, что было актуально в 90-е годы, уже устарело. Но книга интересна тем, что характеризует ситуацию в стране в то время. В книге высказываются неординарные, революционные предложения. Даже сейчас его идеи удивляют смелостью и новизной. Издание этой книги – это мой подарок ко дню рождения Наримана. 28 декабря 2017 года ему исполнилось бы 92 года.

Я прихожу к нему на могилу и постоянно благодарю за все. Очень жаль, что он ушел так рано. Но остались книги и ученики... Остались те, кто его помнит и любит, и я – в том числе. Благодарю, благодарю за все.

Лиля Елягина. Фрагменты воспоминаний об отце

Лиля, мне будет много легче строить наш разговор о Вашем отце Наримане Абдрахмановиче Аитове, если Вы кратко представите себя. Где Вы живете, какое Вы получили образование? Чем сейчас занимаетесь?

Я родилась в 1954 г. в городе Казани. Через десять лет мои родители: отец – Нариман Абдрахманович Аитов и мать – Ольга Агафангеловна Аитова переехали в Уфу, где в 1971 году я закончила школу и поступила на математический факультет Башкирского государственного университета. После его окончания в 1976 году я получила распределение в Бокситовскую среднюю школу Салаватского района БАССР. В 1977 году – вышла замуж за Федора Николаевича Елягина и родила двух дочерей: Марию – 1978 году и Дарью – 1980 году.

Затем около десяти лет я работала в Уфимском авиационном институте инженером вычислительного центра и программистом в социологической лаборатории. С 1995 года работала методистом в Башкирском институте повышения квалификации работников образования, а после его реорганизации – в Башкирском институте развития образования старшим преподавателем на кафедре педагогики. Являюсь отличником образования Республики Башкортостан, ветераном труда.

В настоящее время живу с младшей дочерью — Дарьей Мусиной, артисткой Национального симфонического оркестра, её мужем и их сыном Рамазаном.

Большое спасибо, у Вас богатый жизненный и производственный опыт, и приятно обратить внимание на опыт Вашей работы в социологии. Теперь мне будет очень интересно как можно больше узнать о Вашем отце — Наримане Абдрахмановиче Аитове и его семье, т.е. Ваших бабушке и дедушке.

Мой дед, Абдрахман Садыкович Аитов, многие годы — 1902 по 1918 годы работал учителем в сельских школах (если иметь в виду современное административное устройство Татарстана) Сармановского района. С 1919 по 1921 годы в том же районе он был заведующим школьной библиотекой и инструктором народного образования. С 1928 по 1930 годы — служил Народным комиссаром социального обеспечения Татарской автономной советской социалистической республики. По воспоминаниям моего отца, скорее всего, дед был левым эсером. На фото и кинолентах похоронах Ленина он стоит в почётном карауле. Во время гражданской войны в деревне его двоюродный брат бегал по деревне, искал Абдрахмана и хотел его убить, другой брат вывез его в стогу сена. В дальнейшем мой дед работал, по-моему, агрономом. По семейной легенде папин брат Бельге, работая в архивах, нашёл ордер на арест своего отца, но отец был болен. Он умер после войны. Сохранились его мандаты на съезды Советов.

Бабушка Фая всю жизнь работала в библиотеке; рассказывали, что, когда папа еще был дошкольником, его нередко находили под столом, читающего газеты.

Мама с папой учились в Казани в одной школе. Мама выступала — читала стихи и потому была широко известна в школе. С какого класса папа был в неё влюблен, я не знаю, но, по-моему с 7 класса они учились вместе. Сохранилась тетрадь шестого класса, в которой папа написал древнегреческую трагедию, посвященную маме — Ольге Страдомской.

Мама по настоящему смогла её понять, когда училась на классического филолога (латынь-греческий). Есть фотография, где снят их класс в июле 41 года. Мама стала ходить в вечернюю школу и работать на военном заводе, а мальчики ушли на войну. Но тут не сходится что-то, папе было 15 лет. В дальнейшем он учится в Куединском училище морских летчиков, не знаю, во сколько лет брали на учёбу, может и с 16. Есть фото во время его учёбы. Во время учёбы папа с инструктором неудачно катапультировался и летчиком не стал, был контужен и, когда у него была машина, он её не водил, у него была плохая реакция. А дальше ничего не знаем.

Нашла фото — папа с братом. Куеда летная школа 1944 год. В статьях об Аитове нашла, что служил он с 1943 года. Как его брат оказался в Куеде не понятно. Бельге учился в разведшколе, изучал арабский и был затем в какой-то стране нашим разведчиком, там же познакомился со своей будущей женой. Его брат Бельге был высоким, а отец — среднего роста.

Когда папу спрашивали о войне, он обычно говорил, что основное — это постоянное чувство голода. Рассказывал, что во время войны, когда он служил на Черном море, к нему пришел друг и стал его кормить килькой, сначала головы и хвосты они откладывали, а, когда закончилась килька, стали есть хвосты и головы. Ещё помню, что его сослуживцев направили на войну с Японией, и они все погибли. Есть коллек-

тивное фото, где написано, что это редакция. Я думаю, что его использовали в комсомольской и журналистской работе. Кстати, у него была абсолютная грамотность. Служил он долго до 49 или 50 года.

Что Вам известно о том, как Ваш отец входил в науку, и вообще, как жили родители...

Защита была, по рассказам мамы, очень успешная, а во время учёбы к нему постоянно обращались с вопросами другие аспиранты. В аспирантуре он изучал китайский язык. Я выросла на словаре китайского языка (мне его подкладывали, когда сажали за стол). В дальнейшем словарь не понадобился, так как с Китаем испортились отношения. Но позже отец выписывал китайскую коммунистическую газету «Жэньминьжибао», болгарские, польские газеты. Выписывал много.

В 1961 родители приехали в Казань, стали жить в преподавательском общежитии – одна комната, плитка в комнате, туалет на другом этаже. Жили три года. Нам, детям было очень интересно и весело жить в общежитии. Летом мы отдыхали на Волге – на базе Казанского университета в палатке или под Казанью в Обсерватории снимали дом. Папа выдумывал шифр и писал нам письмо, а мы с Дилей должны были расшифровать его, ориентируясь на союзы и предлоги или на обращение в начале письма. Его страстью были грибы. Дом стоял на границе с лесом, и мы с Дилей и папой шли по горам, и иногда доходили до университетской обсерватории. Грибы жарили. Уже, когда жили в Уфе и была дача, папа не только собирал грибы, но и сам мариновал.

В Казани было много знакомых и родственников. Кто-то папе передал, что сказали: «Аитову квартиру не давать» (Казань была обеспечена кадрами, профессурой), тогда он написал письма в Кишинёв, Уфу и Волгоград. Получил предложения, и родители выбрали тот город, в котором обещали дать квартиру быстрее – это была Уфа. Вещи отправили контейнером, сами мы поплыли на теплоходе. Разместили нас в общежитии Уфимского авиационного института. Собственно это было одно здание, а перед ним располагался тогдашний обычный рынок. Не успели прийти вещи, как нам дали трехкомнатную квартиру. Ректор Уфимского авиационного института (с 1961 по 1991 гг.) Рыфат Рахматуллович Мавлютов – искал кадры, расширял институт, при нём институт занял весь квартал, было восемь корпусов (сейчас больше). Потом он дал отцу 4-х, а затем и 5-ти комнатную квартиры. В 1967 отец защитил докторскую диссертацию. О создании социологической лаборатории и её работе лучше знают те, кто с ним работали.

Всё детство мы пользовались папой как энциклопедией, отвечал на все вопросы: кто нарисовал такую-то картину, кто автор такой-то оперы, что значит такое-то слово. В студенчестве я перед экзаменом брала вопросник и, если что-либо было непонятно или что-то не успела выучить, то спрашивала у папы. Сдавала общественные предметы на пятерки. С математикой всё было сложнее.

У меня были подруги одноклассницы, которые перед школой заходили к нам, мы делали уроки (математику), а потом шли в школу. В свободное время тоже собирались у нас. Родители очень терпеливо относились к нам.

У нас в семье воспитание было устроено таким образом. С младших классов выписывался журнал «Семья и школа», и нам сказали: «Вот вам журнал и воспитывайтесь». Еще была радиопередача «Взрослым о детях», всё было достаточно свободно. У меня не переводились тройки по русскому языку, а я занималась спортивной

гимнастикой. И папа потребовал, чтобы я ушла из гимнастики. Я ушла, но потому что уже были другие интересы. Он попытался заниматься со мной, но ничего не получалось. Правила я знала, а писала и с ошибками, и с описками.

Мама же воспитывала нас рассказами о своей жизни: о жизни её семьи, о школе, о работе на военном заводе, о своей театральной жизни, об учёбе в университете, о жизни в Мендзелинске, Пестрецах, в Москве, о своей работе и т.д., тут я знаю всё в подробностях. Эти рассказы знали мои подруги, они знали всех маминых сестер и их детей. Мама преподавала латынь сначала в медицинском институте, а потом в университете и очень гордилась, что не ставит оценок по блату. Она же запрещала отцу пользоваться блатом. Когда у него появилась соцлаборатория при Обкоме партии, такие предложения ему делали. Когда его аспирант привёз из деревни в подарок мясо и прочее и попытался ему вручить, мама его выставила. И всегда в таких случаях была категорична. Ни за хрустальными, ни за коврами не гонялись. Единственный гарнитур в их жизни появился где-то в 1976 году, когда отцу дали 5-ти комнатную квартиру. Два раза родители отказывались от неё – она была далеко от центра, институтов. Но Мавлютов сказал, что это профессорский дом, и если он не возьмёт, то квартира уйдет, так как все профессора у него обеспечены. По-моему, тут он сам попросил или кто-то из-за границы должен был приехать, не знаю точно. Но, если бы не этот гарнитур комнаты были бы пустые. Одна комната так и была пустой. Там стояла лишь швейная машинка; это была Дилена комната, но она тогда училась в Свердловске на философском факультете.

Воспитывались мы очень демократично, скромно, учились в обычной школе. Диля училась намного лучше меня. Была председателем совета дружины. Она хотела стать следователем, поступить на юридический факультет. Папа её уговорил туда не поступать, объяснил, что работа связана с преступниками. Диля поступила в Свердловск на философский факультет. Училась хорошо, но общественной жизнью уже не увлекалась, ей в школе хватило.

Что еще сохранилось в Вашей памяти об отце?

О папе все отзывались с большим уважением, часто с восхищением. Расскажу о нескольких случаях

Меня после окончания университета распределили в сельскую школу на железнодорожной станции Кукшик, поселок Первомайский – это на границе с Челябинской областью. Там было две школы. Одна из них – коррекционная (для детей с особенностями развития), ее директор узнал, что я – Аитова, да еще Наримановна, и подошел ко мне, уточнил, что я дочь того самого Аитова и стал рассказывать, что однажды они ехали (не помню куда) и на вопрос «кто такие?» отвечали, что они социологи из лаборатории Аитова. Почему они так захотели, не помню, или не знаю и откуда знали о лаборатории? А я то думала, что здесь никто не будет знать, что я профессорская дочка.

Когда я стала работать в институте повышения квалификации учителей (в последствии Башкирском институте развития образования), ко мне не раз обращались люди, которые узнавали, что я дочь Аитова, они заводили к себе, поили чаем и рассказывали о своем общении с Аитовым: когда, где, по какому поводу. И хорошее отношение к нему распространялось на меня. Однажды я читала лекцию и в перерыве ко мне подошла женщина и спросила, не дочь ли я Аитова. Сказала, что я на него

похожа внешне и у меня такой же глухой голос, логика, использование схем, таблиц для объяснения, как у Наримана Абдрахмановича. Восхищалась им, спросила можно ли ей еще приехать ко мне.

В другой раз меня поразило то, как и что говорили о Наримане на поминальном обеде «40 дней», на который Зухра собрала папиных коллег, приехав специально из Алматы в Уфу. Коллеги отца вспоминали, как у них на кафедре было хорошо, какие специалисты были, как дружили, вспоминали все с юмором. А рассказывали они все это через 10 лет после отъезда отца из Уфы в Казахстан. Один вспомнил, как он отнёс папе статью, и отец вернул её с пометкой «БСК». Он спросил, что это значит, и папа расшифровал: «Бред сивой кобылы». Не знаю, обиделся ли тот человек тогда, что вполне было возможно, но тут он рассказывал это как один из случаев, того, что Нариман Абдрахманович мог быть и жестким.

На той же встрече я узнала, что их социологическая лаборатория была самой большой в стране по количеству работавших в ней сотрудников. Там же рассказывали, как они ездили в Москву по приглашению ЦК КПСС (к Косыгину или к кому-то другому сейчас не вспомню), и когда подошли к бюро пропусков, то оказалось, что папа забыл, по-моему, паспорт. Его по другим документам пропустили, но когда был большой перерыв, он не стал выходить. Я помню, как он прилетел, и мы его встречали на машине. Почему мы его тогда встречали, не знаю, никогда мы его не встречали. И по дороге он рассказывал Диле и мне, или кто-то ещё был, о встречах в ЦК, был вдохновлен. Об этом хорошо он написал в своей статье «История с историей социологии» (Социологические исследования 1997, № 3)

В декабре 2015 года Лена Икингрин переехала в Уфу, созвонились, пригласила на встречу коллег из соцлаборатории. Я так поняла, что она как очень активный и общительный человек, хочет со всеми увидится, возобновить контакты. Когда мы на пенсии, у нас есть возможность общаться, надо стараться не сужать круг общения и т.п. Дело было под Новый год, и мне захотелось купить всем сувениры, как новогодние подарочки. Но оказалось, что они вспоминали свою работу в лаборатории через призму отношений с Аитовым. Это был вечер воспоминаний о лаборатории, о Наримане Абдрахмановиче. И только тогда я поняла, что встреча не стихийна, и происходит она в первые дни нового года неслучайно, так как день рождения папы 28 декабря, и памятные сувениры от меня были очень кстати и в тему.

Раздел II. Исследователь. Коллега. Учитель

Жан Тощенко. О феномене профессора Наримана Аитова

Профессор Нариман Абдрахманович Аитовым – один из тех, кто возродил социологическую науку в 1960-е годы. Именно он заложил и постепенно создал уникальную школу в Башкирии, практически одновременно с Москвой и Ленинградом. В это время по пальцам можно было пересчитать те лаборатории, которые создавались в республиках, краях и областях.

В чем заключалась уникальность и значимость, этой школы?

Во-первых, она создавалась при техническом учебном заведении – Уфимском авиационном институте. Помню – на это все обращали внимание, так как все другие точки роста обычно формировались при классических университетах. Это сразу

обусловило ориентацию создаваемого коллектива на решение проблем, связанных с экономикой, с производством.

Во-вторых, лаборатория формировалась из энтузиастов, из людей, желающих и стремящихся к поиску нового, новаторского, е необычного, оригинального, смелого. А так как социологов как таковых не готовили, то коллектив пополняли практически представители всех наук, и даже ряд выпускников института – инженеров – связали свою судьбу с социологией.

В-третьих, этот коллектив сразу же включился в решение актуальных и неотложных проблем республики, что на первых порах было связано с подготовкой и внедрением в жизнь планов социального развития сначала в производственных организациях, затем в городах и районах, и наконец, во всей республике. Это направление вскоре вышло за пределы Башкирии – работа продолжилась в других регионах – на Урале, в Сибири, в Поволжье.

В-четвертых, популярность и важность осуществляемых Н. А. Аитовым исследований быстро привело к тому, что лаборатория получила общесоюзную известность. В Уфу стали приезжать за опытом, профессор Аитов стал экспертом в ряде общесоюзных министерств и ведомств. Именно с его самым активным участие по эгидой ВЦИСП и Госкомитета по труду создавались методики социального планирования в производственных организациях, городах и областных (республиканских, краевых) центрах. Немало было сделано и для становящегося журнала «Социологические исследования», членом первой редколлегии которого он был. До сих пор сохранило свою значимость советско-польское исследование о трудовых отношениях, которое нашло в специальной монографии и в которой Аитов играл значительную роль, как ответственный за определенный блок вопросов.

В-пятых, Аитов лично сам и его команда самым активным образом участвовала в том, что сейчас называют публичной социологией. Высокая публикационная активность сочеталась с организацией многочисленных научных конференций, с выступлениями в средствах массовой информации.

И в этой бурно кипящей творческой деятельности быстро росли, мужали те, кого привлекла эта необычная для того времени работа, кто хотел в своей жизни сочетать и гражданскую ответственность с глубоким личным осознанием правильности выбора. Тем более, что этот становящийся творческий коллектив состоял из незаурядных личностей, которые многое сделали для того, чтобы башкирская социология заявила о себе не только в национальном, но и мировом масштабе (Я. П. Ладыжинский, В. Г. Попов, Р. А. Злотников, Р. И. Ирнараров, А. А. Баимбетов и др.).

Равиль Насибуллин. Жизнь, отданная науке

Наука – монументальное сооружение, строить которое нужно века и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни...

А. Пуанкаре

В 2017-м году исполнилось бы 92 года выдающемуся ученому – социологу профессору Нариману Абдрахмановичу Аитову, чье имя золотыми буквами вписано в историю отечественной науки.

Нариман Абдрахманович Аитов родился 28 декабря 1925 года в г. Казань в семье служащих. В 1943–1950 г. служил в рядах Военно-морского флота, в 1950–1958 гг. на комсомольской, журналистской и партийной работе в Татарстане; окончив аспирантуру кафедры философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, работал на кафедре философии Казанского государственного университета.

С 1964 года по 1989 год, в течение 24 лет он работал заведующим кафедрой философии и научного коммунизма Уфимского авиационного института.

Заслуженный деятель науки БАССР и РСФСР Н.А. Аитов имел огромный авторитет среди коллег социологов и философов как ученый высочайшего уровня. «Бездарного профессора трудно убрать и еще труднее доказать его бездарность», – говорит Паркинсон. Думаю, не менее сложно по достоинству оценить талантливого профессора, проследить корни того дара, которым наделен такой человек. Чрезвычайно трудно оценить «вес» такого ученого.

До сих пор идут поиски четких методов определения «степени учености ученых», предлагаются самые разные критерии этой оценки:

- «вес» ученого определяется количеством напечатанных статей и выпущенных книг;
- оценивается достоинство ученых исходя из того, как часто ссылаются на его работы, на результаты его исследований;
- насколько признан его авторитет как специалиста;
- насколько результаты его исследований полезны;
- какова его активность в работе с молодыми учеными;
- как много под его руководством защищено диссертаций и т.д.

Результаты исследований Н. А. Аитова – это свыше 500 публикаций, он издал десятки монографий в Москве, в Уфе, в Алматы, в других городах; на его труды можно найти ссылки в книгах самых авторитетных социологов и философов страны, его книги переведены в Польше, Венгрии, Португалии... Как-то мы долго пытались у себя на кафедре определить, на каком языке очередное издание его книги, которую прислали по почте. Оказалось, на лаосском.

На ярких ученых, а Н. А. Аитов как раз и был таким, мы смотрим примерно так же, как и на плодоносное дерево: мы любуемся и восхищаемся тем, что на поверхности, и обычно нет никакого дела до того, что делается корнями растения, какие усилия тратятся этим чудо-организмом, чтобы выдавать «на гора» научную продукцию, которая была бы полезной «здесь и сейчас» и одновременно была бы фундаментальной, что воспринимается у нас очень часто как достаточно далекой от нужд сегодняшней общественной хозяйственной жизни. В этом, может быть, и не было бы большой трагедии для ученого, если бы оценка его труда со стороны общества не выглядела бы так ущербно с точки зрения научной обоснованности.

Множество людей из года в год искренне занимаются исследованиями в своей науке, фактически за мизерную оплату труда, которая даже близко не компенсирует потраченные жизненные силы; проводят опыты, ставят эксперименты, пишут работы

по результатам своих исследований и уходят из жизни, оставив за собой груды книг, черновиков и рабочих записей. Имена считанных из них остаются в истории науки в силу каких-то одному Богу известных причин и условий.

Попытки разобраться в этих «каких-то причин и условий» уже при первом приближении показывают, что великие имена во многом остаются в истории науки благодаря скрупулезному, ежедневному в течение всей своей «сознательной жизни», незаметному для общественного глаза и неблагодарному труду в качестве «бумажного червя» огромного числа людей, выполняющих «черновую» работу. Можно сказать и так: не было бы небольшого числа Больших Имен, если бы не было в науке тысячи безымянных.

А некоторые обладатели этих имен упорно идут еще и в неизвестные или в малоизвестные до этого области науки, когда то самое множество твердо убеждено, что ожидаемый возможный результат, на которые эти Имена рассчитывают чисто интуитивно, невозможен. В оценке обыденного сознания это называется «иди туда, не зная куда». Но именно такие исследователи и считаются достойными представителями этой сферы. Во всяком случае, так считал Аитов Н.А. «Хорош только тот ученый, который идет непроторенными путями...», — написал он в одной из своих книг. И, на самом деле, все его творчество — это демонстрация верности данному принципу.

Нужно ли говорить о том, насколько это сложно. Особенно в социологии, лекции по которой в царской России читали подпольно, после революции, готовя съезды партии, попытались использовать, но затем обозвали «буржуазной лженаукой», когда результаты исследований начали показывать то, что было невыгодно власти. И сегодня вооружаются ею, когда это выгодно. И крепко обнимать. Да так, что он начинает задыхаться.

В свое время Нариман Абдрахманович писал, что у нас социологи увлекаются анкетированием, сводя социологические исследования к массовым опросам населения. К сожалению, это «увлечение» не преодолено и в настоящее время. И сегодня она очень часто сводится к опросам: анкетным... телефонным... Часто поверхностным и очень далеким от науки, особенно тогда, когда этим занимается толпа социологов-самозванцев, для которых вся социология заключается в том, чтобы где-то перехватить готовую анкету, слегка ее изменить, раздать людям, собрать и отчитаться «результатами социологического исследования». Больше того, информационное поле загажено таким количеством «социологических данных» сомнительного происхождения, «нарисованных» на заказ, купленных или просто-напросто украденных, что оторопь берет.

Хочу подчеркнуть это качество профессор Н. А. Аитова — он стоял очень жестко на страже порядочности в науке.

У Наримана Абдрахмановича был очень развитый «нюх» на острые социальные противоречия, на сложные социальные проблемы нашего бытия, которых никак не становится с годами меньше. Наоборот. К тем, что остались нерешенными с прежних лет, добавляются новые: это и безработица, это и безразмерная коррупция, и преступность... Социолога не может не беспокоить то, как «пошел процесс» расслоения населения, когда тоненький слой продолжает быстро богатеть, а огромное число

людей еще быстрее беднеет, когда большая часть населения работает «на унитаза», проедаая все заработанное, не говоря уже о нищенской пенсии, которая ждет каждого, кто доживет до этого возраста.

Обычно социальные отношения сравнивают с миной замедленного действия, имея в виду, что неумелое обращение с ними может привести к социальному взрыву. Я бы добавил, что это еще к тому же мина с ржавым взрывателем — невозможно определить, когда и как она «рванет». С этой точки зрения творчество профессора Н. А. Аитова имеет для нас непреходящее значение и как опыт научного изучения социальных проблем общества, и как научно-теоретическая база, основываясь на которую можно научиться распознавать глубинные процессы, протекающие в обществе сегодня.

Для Наримана Абдрахмановича проблема социального равенства — основная в социологии. Практически во всех его работах это проходит красной нитью. При этом для него не существует никакого абстрактного равенства-неравенства, а есть конкретные различные их виды.

Одним из основных направлений работы кафедры и созданной им социологической лаборатории было изучение проблем управления социальными процессами в рамках социального планирования.

Как известно, идея планирования социального развития трудовых предприятий была реализована ленинградскими социологами в рамках производственного объединения «Светлана» в 60-е годы прошлого века. И этот опыт был широко распространён в стране — от Москвы до Новосибирска, Перми и Уфы. Но профессор Н. А. Аитов, наряду со всеми другими качествами, обладал не столь часто встречающимся ещё одним достоинством — умением генерировать идеи. Уже первые опыты по планированию социального развития трудовых коллективов предприятий убеждают его в том, что многие проблемы организаций не могут быть решены вне рамок социально-территориальных общностей. Так, впервые в стране профессор Н. А. Аитов выдвигает идею, а затем и реализует на практике возможность планирования социального развития городов. В основу планирования социального развития городов, а затем и сельских районов был положен системный подход, дающий возможность вычленять сложные связи и взаимосвязи социальных процессов и явлений, происходящих в различных сферах общественной жизни.

Впервые в отечественной социологии еще в 1964 году им был поставлен вопрос об общем и особенном в социальной структуре социалистических стран и это тогда, когда официальная «генеральная линия» была направлена на построение бесклассового общества.

Как известно, фактически весь прошлый век в истории нашей страны ознаменован процессом формирования новой, принципиально иной системы расселения населения, который, с одной стороны, является следствием глубинных изменений в общественном разделении труда и в способе производства общества, с другой стороны, приводит к фундаментальным изменениям в образе жизни населения. В течение трех-четырёх десятилетий в стране появилось столько же городских поселений и новых предприятий, организаций, сколько было построено за многие предыдущие века. Новые города и предприятия в них возникали по самым разным основаниям, проектировались и планировались с позиций архитектурного, про-

мышленного, транспортного развития. Однако со временем все острее ощущались существующие диспропорции в городском хозяйстве страны между промышленным, культурным и социальным развитием. Все это обусловило необходимость активизации разработки теории социального проектирования и социального планирования, теоретических и прикладных социологических исследований возникающих проблем (См.: Социальное проектирование. М.: Мысль, 1982. Авт. коллектив в составе Тощенко Ж. Т., Аитова Н. А., Лапина Н. И.).

Новаторскими являются идеи Наримана Абрахмановича о расселенческих отношениях как о виде социальных отношений. (Аитов Н.А. Отношения по расселению. Свердловск.: Изд.-во Уральского университета. 1987)

Как правило, то или иное общество исследуется в плане производственных, социально-классовых, национальных, политических, семейно-бытовых, идеологических отношений. Однако такой анализ, пишет он, еще не полон, так как точное представление о данном обществе можно получить, изучив не только указанные выше виды общественных отношений. К их числу следует отнести и отношения по расселению – систему отношений между региональными социальными общностями.

Само существование общественных отношений по расселению вызывается локализацией на определенной территории общих для страны экономических, социально-классовых, национальных, политических и других общественных отношений. Эта локализация создает у населения каждого региона и поселения определенные специфические местные интересы, не совпадающие в полной мере с интересами всей страны. Таким образом, носителем общественных отношений по расселению является территориальная общность людей.

Несмотря на то, что развитие любого региона и поселения в основном определяется общими закономерностями данной формации и общими тенденциями социально-экономического развития данной страны в данное время, все же в определенной мере регион и поселение обладают и известной относительной самостоятельностью в развитии. На основе ее может существовать неравенство в условиях жизни между регионами и поселениями. В конечном итоге развитие отношений по расселению определяется сущностью данного общества – способом производства, но у этих отношений есть и своя логика, и свои закономерности развития.

Содержание понятия «общественные отношения по расселению» предполагает относительную самостоятельность развития регионов и поселений от развития страны. Специфичность развития регионов обуславливается историческими, экономическими и национальными особенностями. Вследствие этого темпы экономического и социального развития регионов и поселений могут быть различными. А на этой базе возникает и существует социально-экономическое неравенство регионов.

Относительная самостоятельность отношений по расселению заключается и в том, что эти отношения весьма тесно связаны со своей материальной базой – производственными предприятиями, производственной и социальной инфраструктурой.

Социальные различия между регионами включают в себя различия в условиях жизни (уровень жизни, непосредственные возможности всестороннего развития личности, условия, создающие уверенность в завтрашнем дне), различия в социальной структуре, а также в интеллектуальном потенциале населения регионов. Если в данном регионе недостаточна доля интеллигенции (особенно производственной), лишь небольшое число рабочих подготавливается в ГПТУ, то неизбежно будет отставание региона в развитии экономики.

Все, о чем пишет Н. А. Аитов, строится на результатах исследований, своих или исследований других авторов. И в этом случае он пишет о поселенческих отношениях основываясь на результатах собственных исследований, проведенных в 10 городах страны, результаты которых показали, что большинство горожан живут не в том населенном пункте, где они родились. Отсюда вытекает важный вывод: развитие сети поселений должно планироваться с учетом современной высокой территориальной мобильности населения, с учетом того, что данное поселение (даже не входящее в агломерацию или урбанизированную территорию, а стоящее в одиночку на большом расстоянии от других), обслуживает нужды не только своих жителей, но и выступает в качестве ареала жизнедеятельности населения других поселений. В стране существуют, пишет Н. А. Аитов, не независимые друг от друга поселения, а целая иерархизированная система расселения всего советского народа с весьма тесными внутренними связями: финансово-экономические, бытовые связи, культурные связи.

Культурные связи между поселениями, как правило, идут «сверху вниз» — из большего в меньшее поселение. Хотя элементы духовной культуры наличествуют в любом поселении но, как правило, в большом поселении они производятся, а в малом — репродуцируются и потребляются. Мечтать о том, что когда-либо малый город или деревня сами по себе смогут в той же мере удовлетворять духовные потребности населения, в какой их удовлетворяет большой город, — чистейшая утопия.

Огромное значение для жизни страны имеют такие социальные процессы, как миграция населения. Если географические и экономические науки рассматривают их лишь как экономическое явление (движение одной из сторон производительных сил), то Н. А. Аитов рассматривает миграцию как социальный феномен, существенно изменяющий социальную структуру поселений, в то же время дезорганизующий, приносящий стихийный элемент в развитие тех или иных городов и деревень.

Важной особенностью творчества Н. А. Аитова является то, что он не останавливается на анализе существующих проблем и отношений в описываемом им обществе, но и разрабатывает на этой основе конкретные механизмы их преодоления. В частности, им разработана и издана методика социального планирования городов и сельских районов, внесен огромный вклад в теорию планирования социального развития, что требовала фундаментальных и эмпирических исследований социальных процессов и общественных противоречий, проблем соотношения общего и особенного в социальном развитии. Обоснование им идеи о социальном регулировании технического прогресса, разработанная им теория отношения к труду различных групп и слоев населения и социальных последствий НТР в обществе дали мощный импульс для дальнейших исследований многими социологами и философами.

Его суждения о социальных проблемах, существующих в обществе,— это не какие-то отвлеченные теоретические конструкции, а выводы, основанные на результатах исследований реальных процессов, происходящих на конкретных предприятиях. Хочу обратить внимание здесь только на некоторых моментах его суждений и выво-

дов, касающихся социальных последствий реализации в обществе управленческих решений в самых разных сферах, его суждений о «всеобщей взаимосвязи явлений и процессов в обществе»

В то время, когда официальные властные структуры вовсю продвигали доктрину о том, что научно-технический прогресс изменяет отношение рабочих к труду, он пишет об сложных связях между НТП и отношением работников разных категорий к своей работе. Им открыто и теоретически обосновано явление неустойчивости социально-профессионального статуса личности (Аитов Н.А. «НТР и социальное планирование», М.: Профиздат, 1978; «Советский рабочий», М.: Политиздат, 1981).

Здесь он обосновывает вывод о том, что физически облегчая труд и делая его интереснее, автоматизация приведет к тому, что люди старших возрастов не захотят уйти на пенсию немедленно по достижении пенсионного возраста. Этому будет способствовать и подъем уровня жизни населения (особенно медицинского обслуживания), а также ряд демографических факторов, которые будут действовать еще 10–20 ближайших лет. Нынешнее старшее поколение рабочих, пишет Н. А. Аитов, собирающихся уходить на пенсию, — это поколение, выросшее в самых тяжелых условиях (Гражданская война, восстановительный период, трудные условия первых пятилеток, Отечественная война и т.д.), что не могло не сказаться на здоровье этих людей. Лет через двадцать начнут уходить на пенсию гораздо более здоровые люди, вступившие в самостоятельную жизнь после войны. Ясно, что многие из этих людей не станут торопиться с уходом на пенсию. Во-вторых, молодежь начнет приходить на производство в гораздо более позднем возрасте. Это связано с тем, что технический прогресс, особенно автоматизация, требует значительно более солидной специальной подготовки рабочего. Более поздний срок поступления молодежи на работу и более поздний срок ухода рабочих пожилого возраста на пенсию приведут к некоторому «постарению» контингента рабочих. Размах же и темпы демографического движения кадров не зависят от технического прогресса, а обусловлены биологическими и в некоторой степени социальными факторами.

Технический прогресс окажет влияние на социальные перемещения-увольнения и переход на другую работу, при которых происходит перемена социальной группы, изменяется социальная принадлежность индивида. В результате технического прогресса (особенно в сельском хозяйстве) уменьшится реальная потребность в работниках сельского хозяйства, и часть их уйдет в промышленность. Кроме того, технический прогресс потребует значительно больше, чем сейчас, кадров ученых, инженеров, техников, вследствие чего доля собственно рабочих среди производственного персонала несколько уменьшится. Рост производительности труда приведет к тому, что общество сможет более эффективно развивать сферу обслуживания. В социальном отношении все это выразится в резком уменьшении численности крестьянства, некотором (абсолютном или относительном) уменьшении численности рабочих, в значительном увеличении доли интеллигенции и служащих-неспециалистов с социальными последствиями следующего уровня. Например, в 1964–1965 гг. более 50% учащихся старших классов городских средних школ были детьми служащих; дети рабочих и крестьян, как правило, уходили из школ после 8-го класса. Это определяло соответствующий состав абитуриентов вузов. К тому же абитуриенты из интеллигентов сдавали вступительные экзамены в вуз намного лучше детей рабочих и крестьян. Таким образом, складывался состав студентов, отличавшийся от социальной структуры населения страны.

Темпы технического прогресса, как известно, ускоряются; зачастую моральный износ машин происходит намного раньше их физического износа. В связи с заменой старой техники новой изменяется и профессиональная структура рабочих. Этот процесс будет непрерывно усиливаться в связи с наступлением эры автоматизации. Однако не все рабочие, высвободившись в результате технического прогресса, могут быть использованы на том же предприятии, часть их будет увольняться, поскольку нет нужды в дальнейшем росте данного предприятия.

Чтобы уменьшить текучесть кадров, необходимо устранить ошибки и недостатки в руководстве, создать благоприятный социальный климат на предприятии, улучшить организацию труда и его условия. Иначе говоря, текучесть кадров зависит не столько от объективных сколько от субъективных факторов – от умения руководить, учитывать психологию работника, согласовывать развитие различных сфер жизни, роль «интересности» труда в формировании отношения к труду рабочего и его стабильности на предприятии высока только у людей со средним образованием. Между тем с 1975 г. на предприятия будет поступать пополнение рабочего класса только со средним образованием. Это значит, что если они по-прежнему будут работать на машинах, которые им не нравятся, если не будет социального регулирования технического прогресса, то степень «интересности» труда будет уменьшаться и влияние технического прогресса на текучесть рабочей силы значительно усилится.

В целом, в обозримом будущем в результате технического прогресса движение рабочих кадров возрастет, следовательно, увеличатся и неизбежные экономические потери от нее.

Движение рабочей силы приведет к тому, что человек будет владеть не одной профессией, а двумя-тремя профессиями. Это позволит избежать чрезмерной профессиональной узости, присущей человеку, владеющему только одной профессией и глядящему на мир сквозь призму только своей профессии.

Конечно, движение рабочей силы наряду с положительными имеет и отрицательные последствия, главным образом экономического характера: потери общества и личности на переучивании и овладении новой профессией, потери времени при переходе с одного места работы на другое и т. д. Наносится и определенный психологический ущерб в связи с переоценкой ценностей, расставанием со старым, привыканием и адаптацией к новому коллективу, переменной привычного образа жизни и т. д. Но в целом, по нашему мнению, положительных моментов в усилении движения рабочей силы больше, чем отрицательных.

Факторами, воздействующими на формирование отношения отдельного рабочего к труду в конкретных условиях, кроме общих законов отношения рабочего класса к труду вообще, являются также специфические психологические особенности рабочих, обусловленные возрастом, полом, образованием, высотой оплаты труда, квалификацией, специальностью, технической вооруженностью, стажем работы. И, конечно, на отношение рабочего к конкретному труду влияют и его бытовые условия.

Мы считаем, – пишет Н. А. Аитов – что нет прямолинейной зависимости между техническим прогрессом и текучестью кадров. Одни направления и ступени технического прогресса могут способствовать усилению текучести, другие – ослаблять ее. Следовательно, чтобы улучшить отношение рабочего к его труду, необходимо соответствующим образом регулировать технический прогресс.

Социолог, исследуя то или иное общественное явление нашей действительности, сталкивается со многими факторами, коррелирующими это явление. Давно замечено отрицательное воздействие конвейерного труда и работы на полуавтоматах на отношение к труду, доказано значительное преимущество в этом отношении работы на автоматических машинах и линиях.

Результаты теоретических и конкретных исследований повседневных жизненных практик в тесной связи с историческими фактами дают ему возможность выходить на обобщения о глубинных причинах торможения социального развития страны. В качестве примера остановлюсь на следующих суждениях, изложенных в его работах.

Социалистическая революция, пишет он, совершилась в одной из наименее развитых в экономическом и культурном отношении великих держав. Крестьянство России составляло в 1913 году 66,7% населения, то есть две трети, рабочие составляли всего 14,6% населения. По объему производства – 4% мировой промышленной продукции – Россия занимала пятое место в мире, значительно уступая державам с меньшим населением (США, Англии, Германии, Франции). По переписи 1897 года уровень грамотности населения составлял всего 28,4%. В 1913 году в России производилось 12,5% промышленной и 65% сельскохозяйственной продукции от уровня США. Производительность труда в промышленности составляла 11% от американской. Революция совершилась в стране, истощенной мировой войной и начавшейся после победы революции и вконец разорившими страну гражданской войной и иностранной интервенцией, затянувшимися до 1921 года. Довоенного уровня производства удалось достичь лишь к 1926 году.

Угроза империалистической агрессии вынуждала нас и позднее затрачивать значительные силы и средства на защиту своего общественного строя.

После Великой Отечественной войны вплоть до 1950 года советскому народу пришлось вновь восстанавливать разрушенное, то есть за 70 лет Советской власти на восстановление разрушенного войной хозяйства ушло 18 лет. В послевоенное время много средств затрачивалось на создание ракетно-ядерного оружия для обеспечения безопасности Родины и поддержания военного равновесия с НАТО. Несмотря на столь сложные условия развития, благодаря преимуществам социалистической формы хозяйствования за кратчайшее время наша страна, сделав огромный рывок вперед, стала второй промышленной державой мира с самым образованным на Земле населением. Уже к 1984 году национальный доход СССР составил 67% от уровня США, продукция промышленности – более 80%, сельского хозяйства – 85%, производительность труда в промышленности – более 55%, в сельском хозяйстве – 20–25%. Создана могучая экономика, которая обеспечила существенное повышение благосостояния населения, поддержание на должном уровне обороноспособности страны. Реальные доходы на душу населения к 1984 году по сравнению с 1940 годом увеличились в 6,3 раза, в том числе у колхозников – в 7,9 раза. На 1000 человек населения приходилось 686 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, в том числе 82 с высшим. Полностью ликвидирована неграмотность...

В последние десятилетия темпы прироста производства заметно снизились. В восьмой пятилетке прирост промышленной продукции составил 125%, в десятой пятилетке – 35%. На одиннадцатую пятилетку планировался прирост – 26–28%.

Одной из главных причин падения темпов экономического роста был экстенсивный характер развития экономики. Возрастание агрессивности империализма ставит перед страной сложные задачи по укреплению обороноспособности страны, что в значительной степени зависит от ускорения развития производительных сил.

Необходимость ускорения научно-технического прогресса вызывается задачей достижения полной независимости в производственном отношении от капиталистических стран. Конечно, экономические связи с Западом — закупка технологий, станков, оборудования, патентов и лицензий — будут и впредь развиваться, поскольку реально сложился мировой рынок и существует международное разделение труда. Речь идет лишь о необходимости обезопасить себя от разного рода случайностей (эмбарго и прочее), организовав независимую от мировой политической конъюнктуры экономику.

Ускорение научно-технического прогресса, переход от экстенсивных к интенсивным формам развития экономики обусловлен и ограниченностью людских и материальных ресурсов.

Ограниченность людских резервов объясняется, разумеется, не только снижением рождаемости. В течение 1981—1990 годов прирост трудоспособного населения сократится до 3,8% против 18% в 1971—1980 годах, причем резко вырастет число лиц пенсионного возраста, которого в двенадцатой пятилетке достигнет не участвовавшее в войне и поэтому многочисленное поколение, в то время как раньше становились пенсионерами представители воевавшего поколения.

Ограничены и наши материальные ресурсы. Хотя мы — единственная из индустриально развитых стран, имеющая крупные и достаточные для обеспечения на родного хозяйства запасы нефти, газа, угля, железа и других металлов, леса и т.д., следует учитывать, что добыча и использование природных ископаемых становится все труднее и дороже. Тюменская нефть, добываемая в болотах, тундре, тайге, при 50-градусных морозах, в условиях необжитых районов, где необходимо строить десятки городов, железные и автомобильные дороги, обходится значительно дороже татарской или башкирской нефти. Следовательно, при всем богатстве страны ресурсами необходимо экономное, рачительное хозяйствование.

И именно поэтому научно-технический прогресс должен обеспечить создание и внедрение трудо- и ресурсосберегающих технологий, основанных на иных, чем нынешние, принципах производства. А это и значит форсировать научно-технический прогресс. Это тем более важно, что для нашей страны технический прогресс — единственное средство повышения производительности труда.

Восхищает в Н. А. Аитове глубина понимания им социальных проблем общества, то, что отчасти продемонстрировано и в приведенных выше фрагментах его работ. Еще лучше и полнее можно будет представить его вклад в социологическую науку не в таком фрагментарном описании его взглядов, а в системном анализе, что можно рассматривать как серьезную задачу на будущее.

Если попытаться отойти от нюансов, отражающих среду его проживания, которые присутствуют и неизбежно должны были присутствовать в его работах, то невозможно не заметить, что аналитическая глубина его мысли приводит к признанию

очевидной связи изложенного им вчера с сегодняшними реальностями нашей жизни. Это порождает не только чувство удовлетворенности от прочитанного, но и желание самому создать что-то подобное.

В несбыточном, может быть, немножко эгоистичном расчете на то, чтобы у кого-то, кто прочтет созданное тобой, проснулось бы подобное желание.

Теперь Наримана Абдрахмановича Аитова нет...

Он умер 17 августа 1999 г.

Похоронен в г. Алматы (бывшая столица Казахской ССР)

На могиле памятник с изображением открытой книги. Как символ его творчества, открытого для всех, кто хотел бы найти пример для подражания.

Елена Икингрин. Мой Нариман Абдрахманович Аитов

Эти слова могло бы произнести большинство людей, когда-либо работавших или общавшихся с Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, профессором, доктором философских наук Нариманом Абдрахмановичем Аитовым. Мы все (и академики, и профессора, и доценты, и не остепененные) с гордостью говорим: «Я работал с Аитовым, или он был моим научным руководителем, или моим оппонентом, или я слушал его доклад на конференциях, или, а я слышал, как он рассказывал анекдоты, веселые истории во время вечерних посиделок на конференциях и т.д. и т.п.»

Н. А. Аитов один из трех больших социологов Урала. Он вместе с Л. Н. Коганом (Екатеринбург) и З. И. Файнбургом (Пермь) участвовал в создании уральской социологической школы, которая, наряду с московской, ленинградской и новосибирской, занимала и занимает достаточно заметные позиции в отечественной социологии.

Социологическая лаборатория Уфимского авиационного института, которую организовал в 1964 году Н. А. Аитов, была моим, по сути, первым местом работы, как и для большинства ее сотрудников. До лаборатории я успела поработать по месяцу на кожгалантерейной фабрике, почтамте и четыре месяца в Институте биологии Академии наук БАССР. Составила мне протезе в лабораторию Зухра Назарова, моя подруга детства. К этому времени она работала в лаборатории год и уже считалась старым работником. Под руководством Н. А. Аитова я проработала больше семнадцати лет, и больше пятнадцати лет я знала его как мужа моей подруги З. М. Назаровой (после переезда их в Алма-Ату я бывала у них неоднократно и подолгу).

О Н. А. Аитове как руководителе можно писать пособия по менеджменту. Он был всегда ровным и уважительным с подчиненными. Стиль его руководства я бы назвала авторитарно-демократическим. Он пользовался большим авторитетом, слово его было закон. И в тоже время, он всегда выслушивал сотрудников лаборатории, учитывал их мнение, относился одинаково уважительно и к лаборантам, и старшим научным сотрудникам. Многие из нас часто вспоминают коммунистические субботники. Так вот на них, активнее всех работали два профессора, доктора наук — Н. А. Аитов и С. Ф. Елисеев, а доценты и старшие преподаватели иногда и «сачковали».

Меня Н. А. Аитов всегда поражал своей организованностью. Корреспонденцию он просматривал ежедневно. На письма он отвечал сразу, тезисы, статьи писал как только получал информацию о проведении конференции. Особенно его ценили как оппонента: диссертации читал быстро, но очень внимательно, отзывы писал вовремя,

замечания были по существу, и никогда не сводил счеты с руководителями диссертантов, так как в этом ему просто не было необходимости. Работоспособность у него была потрясающая. За ним не всегда успевали две машинистки.

У Н. А. Аитова — замечательные дочери. Диляра Наримановна работала на кафедре философии Уфимского государственного медицинского института, кандидат философских наук. Внук Аитова, сын Диляры Наримановны, Артем Соловьёв — кандидат философских наук, заканчивает работу над докторской диссертацией, ее дочь, внучка Вероника закончила факультет философии и социологии, в настоящее время в декрете со вторым ребенком. Лиля Наримановна работала в институте усовершенствования учителей в Уфе, пользовалась авторитетом как специалист высокой квалификации, как творческий работник. Н. А. Аитов очень трогательно относился к своей матери. Она (ей тогда было уже далеко за 80 лет) всегда с большим удовольствием общалась гостями Нариман Адрахмановича и Зухры Минимуловны.

З. М. Назаровой и Н. А. Аитову взаимно очень повезло, они прожили 15 счастливых лет. Рустем (сын Зухры от первого брака) нашел в Н. А. Аитове отца, духовного наставника и друга.

Нариман Абдрахманович любил делать заготовки на зиму. Будучи творческим человеком, он творил и на кухне. Например, однажды законсервировал огурцы в томатном соке, сейчас это довольно распространённый рецепт, а 20 лет назад это была новинка, как и перцы фаршированные баклажанами. Рецепты его заготовок отличались оригинальностью и простотой. Два его салата постоянно делает его теща, замечательная кулинарка, и я.

Мне в этой жизни повезло: с семьей, работой и начальством. Все годы работы в социологической лаборатории, нами руководил Яков Петрович Ладыжинский, заместитель Н.А.Аитова по научной работе, в простонародье «папа». Я. П. Ладыжинский очень много сделал, чтобы наша лаборатория была одной из лучших в СССР. Н. А. Аитов умел выбирать друзей и соратников.

Когда пишешь или рассказываешь о Н.А. Аитове невозможно не вспомнить его друзей и соратников — Льва Наумовича Когана и Захара Ильича Файнбурга. Мне повезло, я лично знала всех троих основателей Уральской социологической школы, несколько хуже З. И. Файнбурга. Я его знала больше со стороны (выступления на конференциях, приезды в Уфу, к Аитову). Но однажды мы с ним проговорили два с половиной часа, когда летели из Оренбурга в Москву с очередных Уральских чтений. Несколькими советами, данными мне тогда, я пользуюсь по сей день. Я была знакома и с семьей Л. Н. Когана — с женой — Зинаидой Николаевной, с детьми (сыном и дочерью), с женой сына и внучками. Дом Льва Наумовича был открыт для всех, в его кабинете и на их кухне я не раз сживала за чашкой чая, слушая рассказы о новых спектаклях и новых фильмах. После смерти Л. Н. Когана я еще много лет поддерживала отношения с Зинаидой Николаевной.

Мне сложно перечислить всех друзей Наримана Абдрахмановича, так как не хотелось бы кого-то забыть назвать. Но проблем с выбором оппонентов для его аспирантов и докторантов никогда не было, так как научные и просто дружественные связи у него были очень широкие и крепкие, к тому же имя Н. А. Аитова на титульном листе было «знаком качества» диссертации.

Наша социологическая лаборатория участвовала в многочисленных межрегиональных исследованиях, по результатам которых выходили коллективные монографии (или сноски «В Российской социологической энциклопедии написано «Под

руководством Н. А. Аитова в начале 80-х гг. было проведено Всесоюзное исследование социальной структуры городского населения» // Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА—М, 1998. С.4). Авторами монографий были ученые из разных регионов. Не реже, чем два раза в год в Уфимском авиационном институте (как сказал бы Л. Н. Коган в «девичестве») проходили Всесоюзные научно-практические конференции, симпозиумы, а иногда и международные (при участие поляков, болгар). Кстати, монография Н. А. Аитова вышла на польском языке, и он тогда получил возможность «отовариться» в «Березке». У нас, работников лаборатории и преподавателей кафедр общественных наук была возможность общаться с советскими классиками социологии — М. Х. Титмой, Ж. Т. Тощенко, Б. С. Хоревым, И. В. Бестужевым-Ладой, С. Ф. Фроловым, К. И. Исаевым, Г. Ф. Куцевым, В. Г. Мордковичем, Г. П. Орловым и др.

Когда коллеги-социологи желали Н. А. Аитову сделать приятное, они спрашивали его: «Откуда Нариман, ты в лабораторию таких сотрудниц набрал?». Н. А. Аитов очень гордился своей лабораторией. В лучшие годы в ней работало более 50 штатных сотрудников и не менее 20 совместителей—преподавателей кафедр факультета общественных наук. Он гордился своими учениками, которые теперь доктора наук, академики и достойно продолжают его дело. В Уфе, иной раз, для «оппонирования» легче подобрать «второго» доктора, чем найти кандидата.

На 2 Всероссийском социологическом конгрессе уральцы во главе с Юрий Рудольфович Вишневский, как в старые, добрые время, объединили вокруг себя социологов из других регионов и москвичей. Какие песни мы тогда пели! А какой дуэт получился у докторов наук Н. И. Шаталовой (Екатеринбург) и Г. Г. Татаровой (Москва)! А как дирижировал народом (хором) Ю.Р. Вишневский! А мы все дружно подпевали.

Я твердо верю в то, что традиции — быть трудоголиком в науке, преподавательской работе и «центром» во время «дружеских тусовок» социологов, яркой неординарной личностью, заложенные основателями Уральской социологической школой Л. Н. Коганом, Н. А. Аитовым и З. И. Файнбургом будут продолжены внуками и правнуками.

Светлана Поздеева Встречи с профессором Аитовым

Когда меня спрашивают студенты или берут интервью журналисты, кто были те люди, которые повлияли на мое жизненное становление, ответ, который я даю, одинаков и прост, несмотря на пролетающие годы.

Это трое мужчин: мой отец, прошедший во фронтовой разведке Великую Отечественную от Украины до стен Рейхстага, мой первый руководитель — ректор Уфимского авиационного института, профессор Р. Р. Мавлютов и мой научный руководитель — профессор Нариман Абдрахманович Аитов.

Ранний уход этого человека до сих пор переживается его учениками и соратниками как несчастливое стечение обстоятельств, и я очень рада, что у меня появилась возможность посредством интервью написать портрет моего Учителя теми красками, которые мне доступны.

* * *

До нашей встречи с Нариманом Абдрахмановичем фамилию Аитов я уже слышала. Будучи студенткой филологического факультета Башкирского госуниверситета, я изучала латинский язык, который преподавала Ольга Александровна Аитова. К ней относились с пиететом: она была выпускницей факультета древних языков Ленинградского университета. Ольга Александровна была красавицей с безупречным питерским шиком и обладательницей великолепного русского литературного языка. Латынь она знала не на «пять», а на «шесть», и пыталась привить нам, юным ветреным особам, любовь к своему предмету посредством знаменитых латинских изречений и переводов древнегреческих мифов. Преподаватели говорили, что она — жена профессора Аитова, приехавшего в Уфу по направлению партии.

* * *

Весной 1979 года скоростижно скончался мой отец, и друзья семьи порекомендовали меня на работу в группу референта ректора в Уфимский авиационный институт.

Солнечным сентябрьским днем 1979 г. я готовила документы к приему сотрудников по личным вопросам. Записалось несколько человек, но ректор — профессор Мавлютов задерживался на очередном совещании, и посетители по одному покидали приемную, когда в нее стремительно вошел невысокого роста человек, с залысынами на голове, в темном костюме, полосатой трикотажной рубашке без галстука и представившись, сообщил о цели своего визита: «Нариман Абдрахманович Аитов. Буду говорить с ректором о развитии социологической лаборатории».

Социология в те времена была на пике популярности, однако в общественном сознании возможность влияния на управленческие решения путем внедрения результатов социологических исследований была осознана еще не достаточно. Поэтому я сразу же начала задавать вопросы, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Наши точки соприкосновения обнаружили в том, что оба оказались выпускниками филологического факультета, только Нариман Абдрахманович окончил историко-филологический факультет в Казани, затем Академию общественных наук в Москве. Там же он защитил докторскую диссертацию. В 1964 г. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР выделило Уфимскому авиационному институту (под конкретный и целенаправленный запрос) четыре госбюджетные единицы. На их базе и была создана первая в республике социологическая лаборатория. [См.: Аитов Н. А. Штрихи истории // СОЦИС, 1997, №8, С. 107–108].

Теперь на базе авиационного института, ему было предложено эту социологическую лабораторию расширить. Аитов рассказывал о том, что руководители многих предприятий обращаются к нему с просьбой проанализировать причины текучести кадров. Однако это — только начало, проблематика будет только расширяться, сотрудники лаборатории будут заниматься еще двумя направлениями — социальным планированием и образом жизни. Он говорил, что социолог — профессия для нашей страны новая. А быть первопроходцем — всегда почетно.

Финалом нашего разговора было предложение начать работу в социологической лаборатории под руководством профессора Аитова, что было реализовано ровно через два месяца.

* * *

Социологическая лаборатория располагалась в трех комнатах на четвертом этаже нового корпуса УАИ. В ней работали свыше 30 сотрудников, распределенных по хозяйственным темам и территориальным точкам. Навстречу мне поднялась высокая светловолосая девушка, которую Аитов представил мне как заведующую – Елена Николаевна Икингрин.

В начале января 2016 года несколько поколений сотрудников социологической лаборатории собрались вместе, чтобы отметить 90-летие со дня рождения Наримана Абдрахмановича Аитова. Понятно, что инициатором этой встречи была Елена Николаевна Икингрин.

Первое, что меня, далекую пока от социологии, поразило тогда в лаборатории – огромное количество самых разных по форме и толщине анкет, которые располагались на столах сотрудников, на полу и в шкафах. Наверху лежали таблички с названиями городов: Миасс, Магнитогорск, Набережные Челны, Альметьевск, Кумертау, Стерлитамак, Уфа и др. Второе, что также удивило, – коробки с картонными карточками с небольшими дырочками, которые сотрудники называли перфокартами. Мне объяснили, что это – информация с анкет, которая обработана на электронных носителях.

* * *

Местом притяжения для всех сотрудников лаборатории был кабинет шефа – так за глаза называли Наримана Абдрахмановича.

В кабинете Аитова стояли старинные вещи – мебель сталинской эпохи, переданная по случаю из какого-то обкомовского кабинета. Хозяин был заядлым курильщиком, поэтому на большом столе, занимавшем почти половину кабинета, стояла большая пепельница, а в воздухе витал запах табака. На столе лежали многочисленные папки: результаты проведенных исследований, фрагменты недописанной статьи, большая стопка приглашений на совещания и конференции. Но самым важным элементом этого интерьера был телефон, по которому звонили из разных точек Советского Союза.

Не все, кто входил с документами в кабинет за подписью, имели возможность остаться там подольше. Предметом, обладавшим самой большой притягательной силой, был огромный коричневый диван, на который разрешалось садиться, если Нариман Абдрахманович планировал обсудить результаты работы, а иногда – просто поговорить «по душам». Частенько сидение на этом диване завершалось чаепитием, во время которого Аитов рассказывал интересные случаи из своей жизни и жизни коллег, интересовался событиями, происходящими в наших семьях. Однажды разговор коснулся смерти папы. Оказалось, что Нариман Абдрахманович, как и мой отец, родился в 1925 году, тоже был на войне. Протягивая мне свой платок, чтобы вытереть слезы, Аитов сказал: «Не плачь! Считай теперь меня своим отцом». С этого дня я всегда чувствовала его отеческую заботу и поддержку.

Очень занятой человек, он детально планировал свое время, был очень мобильным и дисциплинированным. Придя на работу, можно было услышать, что утром шеф улетел в Москву, но совещание, запланированное на завтра, пройдет в установленное время. Даже если он получал приглашение на конференцию в последний момент – делал все, чтобы встретиться с коллегами, выступить со своими идеями перед руководством, доказать правильность своих выводов партийным функционерам.

Он с удовольствием давал нам читать книги из своей библиотеки. С совещаний и конференций он всегда привозил книги – социология была еще молодой наукой, и все новинки расходились мгновенно. Что удивительно – не огорчился, когда видел на полях своей книги «комментарии» читателей.

* * *

В начале 1980 года Нариман Абдрахманович предложил мне для разработки кандидатской диссертации тему «Социальная мобильность молодежи». Из недр своего огромного стола он достал монографию М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова «Социальные перемещения молодежи» и попросил ее прочитать. Книга мне понравилась. А вскоре, в сентябре 1980 года, в Харькове состоялась Всесоюзная конференция по социальной структуре, на которой Аитов представил меня авторам.

Несколько лет мы с Нариманом Абдрахмановичем ждали место в аспирантуру. Шансы мои были невелики, поскольку, во-первых, я не была членом партии, а во-вторых, являлась внучкой репрессированных. И только в 1985 году, с началом «перестройки», моя мечта, наконец, осуществилась. Правда, для этого мне пришлось уйти из социологической лаборатории УАИ на кафедру Башкирского государственного университета, выпускницей которого я была. Там поддержали мою кандидатуру, допустили к вступительным экзаменам и после успешной их сдачи определили моим научным руководителем профессора Аитова.

* * *

В декабре 1985 года праздновали 60-летний юбилей Н. А. Аитова. Приехали ученые со всего Советского Союза – Кусейн Исаев и Адаш Токтосунова (Бишкек), Владимир Игоревич Пароль (Таллинн), Станислав Флегонтович Фролов (Москва), Владимир Григорьевич Мордкович (Нижний Новгород (Горький), Лев Наумович Коган и Георгий Петрович Орлов (Екатеринбург) и др. Вел торжественное заседание Л. Н. Коган и по причине своего более крупного телосложения возвышался над юбиляром и зычным шаляпинским голосом называл очередного претендента на поздравления. В актовом зале УАИ Аитову дарили разные национальные подарки – дагестанскую саблю, казахский зеленый халат, вышитый золотом, киргизскую домбру, расписанную хохломскими мастерами шкатулку, индийские шахматы, башкирский курай и др. Нариман Абдрахманович смущенно улыбался: не только от обилия поздравлений с использованием слов в превосходной степени, но больше – от такого пристального внимания к своей персоне – человеком он был очень-очень скромным.

Передо мной выступал немолодой соискатель Аитова – сотрудник завода, сообщивший аудитории, что, согласно списка, он – сорок девятый кандидат наук, защитившийся у юбиляра, и что следующий аспирант станет 50-тым. «Вот она», – показал Аитов на меня. Мне предоставили слово для поздравления. «Извините, – сказала я, – но я – действительно пятидесятая аспирантка профессора Аитова, и желаю ему не останавливаться даже на седьмом десятке». Зал дружно захлопал. С этого времени за мной закрепилось это прекрасное «клеймо». Многие годы имя Наримана Абдрахмановича и мой статус его пятидесятой аспирантки было заветным ключиком, благодаря которому для меня открывались многие двери в мире науки.

К этому нужно добавить тот факт, что после приглашения Первого секретаря компартии Казахской ССР Г. Колбина на работу в Алма-Ату, Нариман Абдрахманович дождался моей защиты, и только потом уехал на новую работу. Этот человек всегда чувствовал ответственность за своих учеников. За это я ему очень благодарна.

* * *

Для советского времени – 50 кандидатов наук, утвержденных ВАК СССР, было невероятным достижением. Однако, несмотря на внушительную когорту учеников – кандидатов наук, профессор Аитов в дальнейшем стал научным консультантом их докторских диссертаций.

Первыми докторами социологических наук стали коллеги Аитова по кафедре, которые возглавляли основные направления исследований в социологической лаборатории: Злотников Рафаил Абрамович – занимался проблемами духовной жизни, Фаниль Саитович Файзуллин – проблемами города, Юрий Васильевич Акатьев – проблемами села, Василий Дмитриевич Попов – школьного образования, Федрат Гатуфович Хайруллин – высшей технической школы, Альберт Апушевич Баимбетов – проблемами борьбы с преступностью, Равиль Талипович Насибуллин – проблемы социальной мобильности, Рашит Исмагилович Ирнарзов – проблемами этнического сознания, Алексей Борисович Курлов – проблемами методологии социологии и др.

* * *

Если говорить о вкладе Аитова в социологию, то одно только перечисление его идей и догадок займет несколько страниц. Приведу только один пример. На одной из всероссийских конференций по социальной структуре Нариман Абдрахманович выдвинул следующее научное предположение: индустриальным обществом, породившем рабочий класс, не заканчивается история человечества. Общество будет эволюционировать, и в недалеком будущем для него будет характерно такое явление, как «неустойчивость социально-профессионального статуса». Объяснял он это так. Если прежде рабочий на заводе или фабрике на протяжении своей трудовой карьеры повышал свою квалификацию в рамках одной и той же профессии, то в будущем скорость социальных изменений будет такова, что социально-профессиональный статус человека перестанет быть устойчивым. Ему придется за протяжении трудовой карьеры несколько раз переучиваться на новые профессии, возможно, такие, которые сегодня еще не существуют, но возникнут под влиянием НТР. Чтобы решить целый ряд проблем, которые порождаются такой ситуацией, должна быть создана система непрерывного образования, которая позволит переобучить людей и тем самым преодолеть подобную неустойчивость. Первые, кто ощутит на себе эту неустойчивость, полагал Аитов, будут неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие. Именной этой группе тяжелее всего придется в условиях социальных изменений. Он оказался прав.

Если взглянуть на это предположение с высоты XXI века, то можно утверждать, что одновременно с западными теоретиками социологии Аитов увидел ростки новой постиндустриальной эпохи, для которой действительно характерно такое явление, как неустойчивость социально-профессионального статуса.

* * *

Фридрих Рафаилович Филиппов — профессор и заведующий сектором социальной структуры Института социологических исследований РАН многие годы был другом профессора Аитова. В 1984 году он начал лонгитюдное исследование, которое называлось «Региональные проблемы социальной мобильности».

Аитов предложил мне в рамках этого проекта провести свое собственное исследование, посвященное социальным перемещениям молодежи Башкирии — тем, кому в 1985 году исполнилось 30 лет: кем работали их родители; в каких населенных пунктахони проживали; где получили образование;на каком предприятии начали свой трудовой путь;в какой период создавали семью, сколько родили детей, довольны ли своей жизнью теперь, на границе молодежного возраста. Одним словом, какие социальные перемещения делали. Я ездила в командировки по Башкирии, проводила анкетирование, записывала одну за другой истории жизни моих современников, обобщала полученные данные в многометровые таблицы. Кстати сказать, в моем архиве до сих пор лежат те самые записные книжки с рассказами. Очень надеюсь, успеть написать роман о поколении тех тридцатилетних.

Поскольку монография представляла собой коллективный труд о социальной мобильности в различных регионах нашей страны, то организаторы из ИСИ РАН выделили только одну главу — естественно, для Наримана Абдрахмановича Аитова. Прочитав написанный мною текст о социальных перемещениях молодежи в Башкирии, Аитов неожиданно сказал: «Посылаем твою работу — как полноценную главу. Я найду, где опубликовать свой материал». Невероятно, но когда об этом узнал Ф. Р. Филиппов, он тоже не стал отговаривать Аитова от этого шага. Так получилось, что сразу после защиты моей кандидатской диссертации в ноябре 1988 году в Москве, в издательстве «Наука» вышла коллективная монография, где в перечне авторов стояла и моя фамилия. Первым, кто поздравил меня с выходом первой серьезной публикации, был конечно мой дорогой Учитель.

С тех пор прошло много лет. На сегодняшний день под моим руководством защитились 24 кандидата наук. Я — автор 12 книг, некоторые из них написаны в соавторстве с моими учениками. Но до сих пор я восхищаюсь поступком Наримана Абдрахмановича, и так же, как и он, стараюсь всегда помогать своим ученикам.

Рашит Ирнарзоров. Незаурядный человек

Речь идет о Наримане Абдрахмановиче Аитове, первая встреча с которым у меня произошла в марте 1970 г. на семинаре-совещании идеологических работников в г. Уфе. Я в то время работал заведующим отделом пропаганды и агитации горкома КПСС в г. Сибее. Семинар проводился обкомом КПСС, на него были приглашены заведующие отделом пропаганды и агитации со всех райкомов, горкомов, а также секретари крупных промышленных предприятий республики. Выступали перед нами ответственные работники обкома КПСС, руководители министерств и ведомств о проблемах и задачах являющихся актуальными в то время.

Выступали перед нами и ученые, в том числе и Н. А.Аитов, неброский на вид, с приглушенным голосом. Вскоре настороженность к его речи сменилась неподдельной заинтересованностью слушателей — он не разглагольствовал, в общих фразах о переживаемых страной трудностях. Его доклад был насыщен анализом реальных жизненных процессов, раскрытием действительно имеющихся противоречий, что

имело для нас, практических работников, первостепенное значение. Он выступал перед нами два дня по два часа. После каждого выступления слушатели долго его не отпускали, задавая дополнительные вопросы.

У меня еще со студенческих лет был определенный интерес к обществоведческим проблемам. С последними приходилось каждодневно сталкиваться и на работе горкома КПСС. Прослушав Н. А. Аитова, я спросил его, можно ли поступить к нему в аспирантуру. Для более обстоятельного разговора по этому вопросу он предложил приходить к нему на кафедру. В назначенное время я прихожу на кафедру, а там сидят кроме Н. А. Аитова доценты Дж. М. Гилязитдинов, С. Ф. Елисеев и Р. А. Злотников (ставшие докторами философских наук, соответственно в 1976, 1977, 1979 гг.). Состоялась общая беседа, мне сказали, что могу участвовать во вступительных экзаменах, которые будут проходить в начале октября и желательно, чтобы к этому времени я опубликовал две статьи и сдал кандидатский экзамен по иностранному языку. Выполнив договоренности, в октябре 1970 г. я сдал вступительные экзамены и был принят в очную аспирантуру к А. И. Аитову.

Центральное место в научно-исследовательской деятельности кафедры занимали проблемы социального планирования. Мне было рекомендовано Н. А. Аитовым заняться разработкой теоретико-методологических и методических вопросов организации идеологической работы в решении задач социального развития города. Идеологическая работа в те годы партийными организациями проводилась с большим размахом. В каждом трудовом коллективе действовала система партийной учебы, которой охватывались все члены КПСС и беспартийные работники-активисты, действовал также институт политинформаторов, осуществляющих информацию членов коллектива по четырем направлениям — политической, экономической и культурной жизни страны и международному положению. Помимо всего политико-воспитательную работу вели агитаторы, наставники, руководители служб. Все средства идеологического воздействия были нацелены на обеспечение решения насущных задач экономического и социального развития, внешней и внутренней политики КПСС и советского государства. Мне казалось, что идеологическая работа, осуществляемая партийными организациями, вполне достаточна, чтобы покрыть потребности идеологического обеспечения социального развития города. Мои сомнения рассеял Н. А. Аитов, сказав, что партийные организации организуют идеологическую работу с населением исходя из своих партийно-политических задач, а в социальном планировании ее задачи, формы, методы осуществления должны определяться исходя из задач экономического и социального развития конкретного трудового коллектива, населенного пункта, региона и т.д. Рекомендовал погрузиться в суть социального планирования, уяснить особенности как способа регулирующего воздействия на жизненные процессы.

В 70-е годы XX в. социология в нашей стране только становилась как наука. Учебников, научных публикаций было мало. В то же время спрос на социологические исследования был высок. При кафедре Н. А. Аитова действовала достаточно большая социологическая лаборатория. Центрами социологических исследований выдвинулись также лаборатории, возглавляемые в Свердловске Л. Н. Коганом, в Перми — З. И. Файнбургом. Регулярно проводились в уральских городах социологические чтения.

В 1973 г. я в Казанском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию и для дальнейшей работы был оставлен на кафедре Н. А. Аитова. В 1989 г. Н. А. Аитов уехал в Алма-Ату, что для членов кафедры являлось весьма нежелательным. С уходом Н.А. Аитова мои связи с ним не прекратились.

Он был таким человеком, к которому можно было обращаться по любому вопросу и в любое время. Во второй половине 80- годов я начал заниматься с проблемами межэтнических отношений и об этом сообщил Нариману Абдрахмановичу. В ответ он писал, что они также занимаются этими проблемами и прислал разработанные ими анкету и инструкцию по шифровке анкетных данных. В 1990 г. Н. А. Аитов проводил конференцию на тему «Социалистическая культура: социальное и национальное», куда из Уфы приехала целая делегация. Между нами состоялся обстоятельный разговор, и по возвращению из Алма-Аты я начал целенаправленно работать над докторской диссертацией на тему «Проблемы равенства этносов в Республике Башкортостан». Перед защитой диссертации Нариману Абдрахмановичу послал монографию и автореферат диссертации с просьбой, чтобы он прислал отзыв. К сожалению, письмо не было получено вовремя — Нариман Абдрахманович лежал в больнице. По выходу из больницы он прислал мне письмо и свою книгу «Равенство неравных людей».

Нариман Абдрахманович был поистине выдающимся человеком. Выдающимся не только в науке (раскрытие чего требует специального, более углубленного изучения его научного вклада), выдающимся в проявлении человечности. Его отличало скромность, трудолюбие, уважительное и ровное отношение ко всем, щедрость. Чем больше он «раздавал» себя, тем больше утверждал себя в человечности, тем заметнее возвышался над другими, как человек.

Гузель Кунгурцева. Светлый образ учителя

Мне посчастливилось, что в моей жизни был такой человек, как Аитов Нариман Абдрахманович. Еще, будучи студенткой, я была знакома с некоторыми его научными работами и статьями в периодической печати. Их отличала и привлекала простота изложения, доходчивость, логичность, за которыми скрывались обстоятельность, аргументированность, глубокий научный анализ социальных проблем. Знала, что результаты его исследований опубликованы в сотнях статей, десятках монографий, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Он создал в Башкирии научную социологическую школу, которая была известна всему бывшему Советскому Союзу. На лекциях профессор Л. Н. Коган часто приводил его точку зрения по какой-либо социальной проблеме, произнося сокровенную фразу: «А вот мой друг Аитов из Уфы считает...». В тот период, статус крупного ученого сформировал в моем представлении образ физически большого высокого человека.

История же моего непосредственного знакомства с ним началась в 1985 году. Сразу же после окончания университета я пришла устраиваться на работу в Уфимский авиационный институт на кафедру научного коммунизма, которую он возглавлял. Конечно, я испытывала трепет и волнение перед встречей. Я долго искала его кабинет с табличкой, где традиционно прописываются все регалии, но так и не нашла. Оказалось, что пройти к нему в кабинет надо через преподавательскую, что меня очень удивило, ведь обычно, как правило, у людей такого уровня есть отдельные кабинеты. Какого же было мое второе удивление, когда я увидела в скромном каби-

нете за столом человека невысокого роста с тихим, добрым, чуть хрипловатым голосом. И волнение как-то само собой исчезло. Как оказалось, мои удивления еще не закончились...

Именно за два года работы с Н. А. Аитовым мне представилась прекрасная возможность многому научиться. Ведь в нем гармонично сочетались дар ученого, истинного интеллигента, талант педагога и руководителя.

Основной научный принцип Н. А. Аитова – следовать непроторенными путями. Он словно Ванга в научном мире: чувствовал острые социальные противоречия, обладал даром предвидения и решения сложных социальных проблем. При этом щедро делился научными идеями с коллегами и аспирантами. Он подбирал такие темы для своих аспирантов, которые оставались актуальными спустя многие годы. В 1987 году я поступила в аспирантуру. Проблема интеллектуального потенциала, которую он предложил для изучения, опередила свою актуальность на много лет. Углубившись в суть, я обнаружила, что она не исследована социологической наукой, практически нет публикаций по данной теме, не разработаны методологические основы. Меня охватила паника: «Смогу ли?». Нариман Абдрахманович развеял мои сомнения, сказав, что это же хорошо, вы будете первой, помог поверить в себя. Позже, уже без его непосредственного участия, но на основе предложенной им идеи, я продолжила исследования в этой области и защитила докторскую диссертацию.

Нариман Абдрахманович был прекрасным руководителем, умел ценить свое и чужое время, чему многих научил, поражал своей высочайшей работоспособностью и самоорганизацией. Кафедра, которую он возглавлял почти четверть века, отличалась не только своими научными достижениями (об этом коллеги уже писали), но и сплоченностью, единством, благоприятной дружественной атмосферой. Наши заседания кафедры проходили по-деловому, вопросы решались быстро и конструктивно, решения были конкретными и понятными. Его суждения и выводы по поводу, казалось бы, сложных проблем отличались лаконичностью и простотой.

Н. А. Аитов постоянно писал, ему не нужны были какие-то особые условия и обстановка. Частенько я замечала, пока коллеги на кафедре о чем-то бесечно и шумно беседовали, он мог, казалось легко и между делом, ненадолго погрузившись в свои мысли, написать солидную научную статью. Этим, наверное, и отличаются талантливые люди.

Нариман Абдрахманович был жизнерадостным, открытым, всегда готовым поделиться своим опытом и помочь в трудной ситуации. Когда в 1988 году, он уехал в Алма-Ату, наше сотрудничество не прекратилось. Я и мои коллеги постоянно ездили к нему на консультации, на научные конференции. Частенько, он, вместе со своей супругой Зухрой, гостеприимно и радушно встречал нас у себя дома, угощал разносолами собственного производства, шутил, искренне, по-детски, смеялся.

Его человечность, искренность, отзывчивость, обеспечили ему истинный авторитет. Он, обладая высоким уровнем духовной культуры и душевной доброты, уважительно относился к каждому.

Прошло много лет. Жизнь стала более стохастичной, обострились старые и появились новые социальные проблемы и противоречия. Именно сейчас его научно-теоретические исследования и разработки могли бы стать основой для решения многих острых проблем социальных групп, регионов и всего общества.

Наримана Абдрахмановича, к сожалению, нет с нами, но в моей памяти всегда будет его светлый образ. За столь короткое время нашей совместной работы, он заложил потенциал и дал старт моей научной карьере. Я искренне рада, что просто была знакома с таким замечательным учёным и человеком.

Раздел III. Нариман Аитов – Историк советской социологии

Аитов Н. А. Развитие социологических исследований в Башкирии // Наука в Советской Башкирии за 50 лет: – Уфа, 1969.

«Конкретные социальные исследования в Башкирии начали проводиться сравнительно недавно. Они не представляют для марксизма чего-то совершенно нового. В 20-х гг. в нашей стране проводилось много социальных исследований, но затем они были поставлены под сомнение, так как считалось, что подобные исследования необходимы только буржуазной социологии. Отношение к конкретным социальным исследованиям изменилось лишь в конце 50-х начале 60-х гг. В настоящее время они приняли довольно широкий размах (их необходимость и полезность подчеркнута XXIII съезде КПСС), начали складываться научные центры и школы социологов в ряде учреждений Москвы, Ленинграда, а также Новосибирска, Свердловска, Горького, Перми, Таллинна и др.

Быстрое развитие социологических исследований обусловлено объективными потребностями развития нашей страны. Научное руководство обществом в современных условиях требует точного знания всех общественных процессов, их тенденций и степени завершенности вплоть до количественных оценок. Такого рода информация может быть получена лишь в результате широко развернутых, в масштабе страны, социологических исследований, показывающих все тенденции изменений в сфере социальных, национальных и трудовых отношений, быта, культуры, сознания и других сфер жизни общества, а также их взаимного влияния. Мы должны заранее предвидеть все социальные последствия наших мероприятий. Этим объясняется то внимание, которое сейчас уделяется конкретным социальным исследованиям.

Однако до сих пор еще в социологической науке остается много спорных вопросов. Дискуссионным является даже сам вопрос о предмете социологии. Большинство социологов считает предметом своей науки изучение не самих основных законов развития общества (этим занимается исторический материализм), а механизма действия этих законов в конкретных условиях. Существует и другая точка зрения, согласно которой конкретные социологические исследования есть лишь экспериментальная часть исторического материализма, а не самостоятельная общественная наука. Имеет место также различное толкование основных терминов (например, социологические или конкретные социальные исследования), до сих пор еще мало вышло работ по методологии и методике исследований. Все это болезни становления молодой науки.

Еще меньшую историю имеют социологические исследования в Башкирской АССР. Проведение их началось лишь в 1965 г., когда была организована социологическая лаборатория при Башкирском обкоме КПСС. Первоначально в ее деятельности участвовали только преподаватели и аспиранты кафедры философии и научного коммунизма Уфимского авиационного института. Это был довольно сложный период, когда надо было овладеть, при отсутствии каких-либо учебных пособий, методикой

проведения и организации конкретных социологических исследований, научиться применять математические методы, изучить математическую статистику. Короче говоря, это был период подготовки кадров в процессе практических исследований.

Впоследствии в социологические исследования были вовлечены ученые Института истории, языка и литературы БФАН СССР, Башкирского медицинского, Уфимского нефтяного, Башкирского сельскохозяйственного, Бирского педагогического институтов, работники партийных и советских органов.

Таким образом, из энтузиастов-преподавателей вузов (философов, историков, экономистов) и партийных работников постепенно складываются кадры социологов, приобретающие знания методики исследований непосредственно в процессе их проведения. Немалую помощь в овладении методикой оказали наши коллеги из Института комплексных социальных исследований АН СССР, Института международного рабочего движения, Академии общественных наук при ЦК КПСС и Института комплексных социальных исследований при Ленинградском университете, которые давали консультации башкирским социологам при посещении Уфы, а также в Москве и Ленинграде.

Ввиду того, что социология имеет в Башкирии еще небольшую территорию, в статье дается лишь краткий обзор основных направлений, проводимых исследований.

Наибольший удельный вес занимают исследования, призванные подготовить основу для работы по социальному планированию на предприятиях. В этом направлении проведено изучение социальных аспектов текучести рабочей силы по программе, организованного институтами философии АН СССР и АН Польской Народной Республики, сравнительного социологического советско-польского исследования «Социальные проблемы труда и производства».

В первом квартале 1965 г. на 14 предприятиях Уфы было протестировано 857 принимаемых и 846 увольняемых рабочих. В 1966 г. по несколько измененной программе было проанкетировано 2379 увольняемых и 2200 принимаемых рабочих предприятий объединения Башнефтехимзаводы. Кроме того, в июле–октябре 1965г. было проанкетировано 2083 инженерно-технических работников предприятий конструкторско-проектных организаций Уфы, Стерлитамака и Салавата. В итоге был получен материал на 8366 человек, работающих на предприятиях, или переходящих с одного предприятия на другое. Анализ этого материала, произведенный на счетно-перфорационном комплексе, позволил сделать следующие выводы.

1. Уровень заработной платы не является главной причиной текучести кадров. Он дает лишь 20–25% всех увольнений. Уход по семейным обстоятельствам (не с кем оставить детей, некому вести домашнее хозяйство и т. д.) дает около 14% всех увольнений; плохие условия труда, неинтересная, малоквалифицированная работа – около 20%; отдаленность жилья от места работы – около 10%; отсутствие квартиры – около 6–7%; переезды в другой город по семейным обстоятельствам – около 15%; увольнения за нарушение трудовой дисциплины – 2–3%; плохие отношения с администрацией – 1%. Эти данные близки к результатам, полученным социологами Ленинграда и Новосибирска.

2. Основной контингент увольняющихся – молодежь (рабочие в возрасте до 30 лет составляют 73% ко всем увольняющимся и только 55,7% – к числу работающих). Более 60% увольняющихся имеют стаж работы на данном предприятии менее двух лет; из них 63,5% рабочие трех низших тарифных разрядов. Заработок уволь-

няющихся составляет 85% среднего заработка всех уфимских рабочих. Переходят с предприятия на предприятие, в первую очередь, молодые рабочие, имеющие высокий уровень образования, небольшой стаж, низкую квалификацию и, следовательно, невысокий заработок. Одной из главных причин этого является существующее в большинстве отраслей промышленности противоречие между относительно высоким уровнем общего образования рабочих и, в большинстве случаев, сравнительно простым содержанием их труда, не требующим такого образования. Кроме того, влияют на текучесть молодежи почти полное отсутствие в школе работы по профессиональной ориентации и недостатки в организационной и воспитательной работе с молодыми рабочими на предприятиях.

3. Традиционные средства борьбы с текучестью рабочей силы (административные запреты, выплаты за выслугу лет) не являются сколько-нибудь эффективными и по существу противоречат основным принципам социализма. Единственным рациональным средством для уменьшения текучести является создание на предприятиях оптимальных условий труда и жизни, таких условий, чтобы человек шел на работу как в родной дом.

Основные результаты этого исследования, автором статьи в июне 1966 г., доложены на состоявшейся в Варшаве конференции по итогам сравнительных советско-польских исследований. Сопоставление наших данных с аналогичным материалом польского ученого доктора Адама Сарапаты показало, что процессы текучести рабочей силы в обеих социалистических странах развиваются примерно одинаково.

В настоящее время башкирские социологи продолжают заниматься проблемами текучести рабочей силы, но уже в ином аспекте. В конце 1967 – начале 1968 гг. проанкетировано 17 тысяч рабочих машиностроительных предприятий Уфы, Стерлитамака, Салавата и Белебея с целью выявления главных производственных факторов, влияющих на отношение рабочих к труду. Все рабочие подразделены на 18 типологических групп (по полу, возрасту и образованию). Выясняется оценка ими различных условий труда (шум, вибрация, освещение, тяжесть, вредность и т. д.) и влияние ее на отношение к труду. Кроме того, одновременно проводилось изучение функций, выполняемых этими рабочими у своих рабочих мест. Все орудия труда разбиты на 19 групп – в зависимости от функций рабочих при этих орудиях труда. В результате исследования выяснится, какого рода орудия труда нравятся или не нравятся тем или иным группам рабочих и можно будет дать социологические рекомендации конструкторам создающим станки. В настоящее время эта работа завершается.

К этому направлению относится также исследование Я.П.Ладыжинского, который изучал условия труда и быта наших нефтяников. Важнейшие выводы его следующие.

1) Вследствие отсутствия социального планирования в нефтяных районах республики сложилась неудачная практика градостроительства. В результате этого поездка на работу и обратно занимает у многих нефтяников по 4–5 часов ежедневно, что почти полностью лишает их досуга, препятствует всестороннему развитию личности. В условиях Башкирии и Татарии оптимальная система градостроительства в нефтяных районах представляется квиде схемы: крупный город типа Нефтекамска или Альметьевска в окружении десятков благоустроенных рабочих поселков, находящихся в центрах добычи нефти.

2) Наилучшая система повышения квалификации и образования нефтяников – это система заочных, а не вечерних школ; кроме того, эти школы должны быть связаны с повышением производственной квалификации.

Результаты исследований Я. П. Ладыжинского опубликованы в журнале «Нефтяник».

К этому же кругу примыкает исследование личностных взаимоотношений в бригадах (П. С. Симонов, УНИ), а также начатое по заказу Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР исследование реальных потребностей предприятий этой отрасли в инженерах, техниках и организаторах производства с точным определением того, что такое «инженер», «техник», «организатор производства» (Н. А. Аитов и Д. А. Лалетин). Все эти исследования, связанные с социальными проблемами производства, являются по существу подготовительным этапом работы по составлению социальных планов развития тех или иных отраслей.

Другое важное направление социологических исследований в Башкирии – изучение социальных проблем образования, в частности исследование экономической эффективности среднего образования для производственной деятельности рабочих (Н. А. Аитов, при участии З. К. Тимофеевой). Была проведена выборка первичных документальных данных (возраст, образование, стаж, специальность), выполнение нормы выработки за последние три месяца, зарплата, участие в рационализации и изобретательстве и т. д.) на каждого десятого рабочего 20 предприятий Уфы (получен материал на 2500 рабочих). Итог исследования показал, что увеличение стажа на один год дает значительно большую прибавку всех взятых под наблюдение показателей деятельности рабочих, чем повышение образования на один класс. Это свидетельствует о том, что средняя школа в современном виде еще недостаточно эффективна для производственной деятельности рабочих. В статьях Н. А. Аитова (См.: Октябрь, 1966, № 7; Вопросы философии. 1966, № 1; Молодой коммунист 1968, № 3) даны соответствующие рекомендации по этому вопросу.

К этой же проблеме относится еще не завершенное исследование Л. Г. Земцова по теме «Социальные проблемы средней школы». В результате анкетирования учителей, учеников и родителей в ряде городов и сельских районов Башкирии, многочисленных интервью с директорами школ и выборки данных на отличников и второгодников, Л. Г. Земцов пришел к выводу, что успеваемость учащихся – проблема не только педагогическая, но и социальная. У 25% родителей с образованием в 1–4 класса дети оставались на второй год; у родителей с высшим образованием второгодников почти нет. резко выражено также влияние состава семьи: хуже успеваемость в тех семьях, где нет одного из родителей. Сейчас Л. Г. Земцов работает над рекомендациями по этому вопросу. Близка к этой проблеме также работа бирских социологов (г. Бирск) по вопросу о причинах текучести кадров учителей на селе.

Третье направление в работе башкирских социологов – исследование социальной структуры социалистического общества и процессов социальных перемещений при социализме. Этим проблемам в целом была посвящена докторская диссертация Н. А. Аитова «Социальная структура социалистического общества и стирание социальных граней в процессе строительства коммунизма», защищенная в 1967 г. В диссертации обоснована мысль о многокритерийности социального деления общества при социализме, причем классовое деление является лишь одним из видов

социального деления, даже далеко не самым главным в условиях социалистического общества. Здесь же сделана попытка дать новое определение классов социалистического общества.

Впервые капитальные проблемы социальных перемещений при социализме исследуются Н. А. Аитовым и С. Г. Склярским. Ряд материалов этого исследования опубликованы в статьях Н. А. Аитова (//Вопросы философии, 1965, № 3; Молодой коммунист, 1966, № 7; Знание-сила, 1967, № 2 и Наука и жизнь, 1968, № 6) и С. Г. Склярского (в сборнике «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции»: М., 1967.). В этих исследованиях выявлена коренная противоположность процессов социальных перемещений при социализме и капитализме. Хотя при социализме и сохраняется в определенной степени социальное неравенство, но и природа его, и величина резко отличаются от социального неравенства при капитализме. Если в капиталистическом обществе социальное неравенство основано на эксплуатации и выражается в наличии или отсутствии капитала или его величине, то при социализме неравенство связано с различиями в количестве труда, квалификации и образовании. При капитализме это неравенство передается по наследству. Именно поэтому при социализме степень социальных перемещений (т. е. переход людей из одной социальной группы в другую) во много раз выше, а степень социального неравенства — в десятки раз ниже, чем при капитализме. При социализме неравенство (в уровне доходов, образовании, культуре) между членами одной и той же социальной группы значительно выше, чем между разными социальными группами. Поэтому при социализме «социальная лестница» объективно хотя и существует, но сконструировать ее модель очень трудно, в то время как при капитализме дифференциация социальных групп выступает очень четко.

В условиях капитализма большинство социальных перемещений (например, из крестьян в рабочие, из буржуа в интеллигенцию, из ремесленников и торговцев в рабочие) происходит не добровольно, а в силу того, что средние и мелкие буржуа и часть капиталистов разоряются. При социализме переходы из колхозников в рабочие происходят добровольно, так как у нас нет никакого разорения крестьянства. Миграция населения из деревни в город происходит вследствие стремления жителей деревни к городской культуре и быту и образованной молодежи села к квалифицированному, механизированному труду, который не всегда может быть им предоставлен в сельском хозяйстве.

Социалистическая интеллигенция на две трети формируется за счет детей рабочих и крестьян, в то время как среди буржуазной интеллигенции дети рабочих и крестьян составляют лишь 5–10%. Однако сейчас, в условиях существования определенной степени социального неравенства, шансы детей представителей разных социальных групп на получение высшего образования не равны. Хотя этот разрыв в возможностях уменьшился по сравнению с природой капитализма примерно в 15–20 раз, но, в определенной степени, еще сохранился. Основой этого неравенства является, главным образом, неравенство в культуре семей, приводящее к различной успеваемости в школе. Можно сказать, что если раньше основой различий в культуре было социальное неравенство, то ныне, наоборот, основой социального неравенства являются различия в культуре, поэтому существует еще довольно сильная связь между образованием родителей и детей, и возможности детей интеллигентов на получение высшего образования пока еще примерно в три раза выше детей колхозников. Важнейшим инструментом, в определенной степени, выравнивающим возможности

на получение образования представителями различных социальных групп, является система заочного и вечернего обучения в вузах, техникумах и школах, которую, преимущественно, используют дети рабочих и крестьян. Существенное значение для выравнивания этих возможностей будет иметь переход к всеобщему обязательному среднему образованию.

Важное место среди проблем социальных перемещений занимают вопросы престижа профессий и профессиональной ориентации молодежи. Исследования показали, что около 90% выпускников средних школ стремятся к профессиям умственного труда, в то время как лишь 20% могут попасть на работу по этим профессиям. В значительной мере такая неправильная профессиональная ориентация молодежи вызвана тем, что средства массовой пропаганды (радио, кино, телевидение, литература) до последнего времени практически пропагандировали только героев из интеллигенции. Вследствие этого в представлениях молодежи была понижена роль физического труда, особенно в сфере обслуживания, искусственно создан невыгодный для общества престиж ряда профессий.

Проблемами социальной структуры общества заняты и другие социологи Башкирии. Руководитель социологической лабораторий Стерлитамакского горкома КПСС М. И. Минеев провел интересное исследование об изменениях в жизни работников содово-цементной промышленности страны за семилетку. Большую работу в этой области ведут сотрудники УАИ. Е. А. Штанько успешно исследует проблему социальной структуры советского рабочего класса, Р. Л. Исрафилова – советской интеллигенции. Проблемы инженерно-технических работников, как особой социально-профессиональной группы (особенно проблемы рационального использования ИТР и оптимальной системы их подготовки), изучает Д. А. Лалетин, проведший ряд интересных исследований на предприятиях машиностроительной и нефтехимической промышленности. Л. Н. Фенин ведет работу по изучению социальной структуры промышленного города, его «социальной география». Большой интерес представляет работа М. Ф. Фатхуллина о социальных аспектах внутрипартийной работы. Л. А. Волсков (УфНИИ) успешно исследует социальные проблемы организации труда научных работников.

Четвертое важное направление социологических исследований – изучение процессов духовной жизни населения республики. Прежде всего следует отметить работу Р. А. Злотникова (УАИ) по изучению духовной жизни советского рабочего класса. Перед ним стоит сложная задача: не только выявить в целом духовные потребности и интересы всего рабочего класса, но и отдельных социальных и профессиональных групп внутри него, выявить факторы, влияющие на ценностную ориентацию и использование досуга рабочими. В результате целого ряда исследований Р. А. Злотников пришел к выводу, что в условиях развитого социализма уже не социальная принадлежность, а главным образом, уровень образования определяет, в первую очередь, такие факторы культурного развития людей, как наличие у них домашних библиотек, посещение публичных библиотек, кино, театров, участие в техническом творчестве, самодеятельности и т.д. Выяснилось, что культурные потребности людей с образованием в 1–4 класса настолько низки, что они совершенно не используют возможности культурного развития, предоставляемые им бесплатно государством. Именно среди этой категории людей, не умеющих рационально использовать свой досуг, больше всего нарушителей трудовой дисциплины, верующих, пьяниц, хулиганов. Наши культурно-просветительные учреждения работают, главным

образом, с теми, кто сам приходит к ним; но как раз наиболее малообразованная часть населения их не посещает. Необходима специальная система мероприятий этих учреждений для работы среди малообразованных людей.

В то же время культура (ценностная ориентация) молодых рабочих со средним образованием практически не отличается от культуры инженерно-технических работников. Особенно высок культурный уровень тех рабочих, которые учатся без отрыва от производства. Хотя именно у этих людей свободного времени крайне мало, все же они гораздо больше, чем все остальные рабочие, занимаются рационализацией и изобретательством, читают книги, имеют больше общественных поручений, чаще бывают в театрах. Привлечение к учебе в вечерних школах, заочных и вечерних вузах, техникумах – важнейшее средство воспитания людей.

В июне 1967 г. Р. А. Злотников выступил в Милане на конференции советских и итальянских социологов по вопросам свободного времени с докладом о ценностной ориентации и культуре советских рабочих. Даже буржуазные итальянские газеты, сравнивая материалы Р. А. Злотникова и результаты аналогичных исследований итальянских социологов в Милане, были вынуждены признать, что советский рабочий стоит по своему культурному развитию и духовным интересам значительно выше среднего итальянца, что является прямым следствием разницы в общественно-политических системах СССР и Италии. Таким образом, первый непосредственный выход социологов Башкирии на арену мировой идеологической борьбы оказался успешным. Вместе с тем исследования Р. А. Злотникова выявили и целый ряд недостатков в проведении досуга молодых рабочих. Так, оказалось, что 22% вообще никогда не посещает библиотеки, 31% – театры, 11% – не бывает в кино. Эти вопросы отражены в его статье в журнале «Библиотекарь» (1967, № 8).

В настоящее время Р. А. Злотников проводит исследование культурного уровня и ценностной ориентации различных групп внутри рабочего класса – строительных, сельскохозяйственных рабочих и рабочих-нефтяников. Результаты этого исследования, несомненно, помогут выработке конкретных рекомендаций по организации культурно-воспитательной работы среди этих профессиональных групп рабочих, характерных весьма специфическими чертами.

Большое значение имеет проводимое башкирскими социологами изучение свободного времени трудящихся республики. В настоящее время этой работой по предприятиям нефтехимии заняты сотрудники УНИ. Лаборатория обкома КПСС готовит проведение большого исследования по этому вопросу в масштабах республики. Будет проведено самофотографирование свободного времени 3000 человек различного возраста, социальной принадлежности, профессии, пола, образования и семейного положения. Дело в том, что, на наш взгляд, одной из основных проблем воспитательной работы в настоящее время является проблема рационального, культурного использования досуга трудящихся. От этого зависит предупреждение пьянства, хулиганства и других антиобщественных явлений. Но прежде чем приниматься за действительно рациональную организацию досуга, надо очень четко знать, как этот досуг распределяется и используется фактически, какие факторы действуют на характер использования свободного времени.

Естественно, социологи такой многонациональной республики, как Башкирия, не могут пройти мимо национального вопроса. Сближение национальных культур, усвоение достижений инонациональных культур, традиций и обычаев народов, населяющих нашу республику, изучают Х.С. Сайранов (ИИЯЛ), Р. Н. Кутушев

(УАИ) и К. Н. Хабибуллин (УПИ). Анкетирование более чем 6000 человек русской и нерусских национальностей городов и сельских районов республики, проведенное в 1966 г., показало, что башкиры, татары и представители других наций хорошо знают русскую культуру; многие предпочитают, чтобы их дети учились в русских школах. Степень влияния русской культуры на нерусских прямо пропорциональна уровню образования и обратно пропорциональна возрасту. Следует сказать, что большинство русских жителей республики хорошо знает башкирскую и татарскую культуру; особенно большой популярностью среди русских пользуются башкирская музыка, танцы и театр. Что касается бытовых сторон (блюда, одежда, традиции и т.д.), то здесь мы наблюдаем широкое влияние разных народов друг на друга. Вместе с тем характерно, что у башкир стремление к русскому языку во много раз превышает стремление к русской музыке и театру. Можно полагать, что область музыки и национальных форм искусства, видимо, есть одна из наиболее устойчивых черт нации, даже гораздо более устойчивая, чем национальный язык. Уровень образования населения из года в год повышается, поэтому можно предполагать, что и степень сближения наций нашей республики в области культуры будет непрерывно расти.

В процессе изучения различных сторон духовной жизни социологи не могут проходить и мимо религии. Корни ее в нашей стране подорваны, но все же до сих пор, особенно, на селе сохраняется еще довольно значительное количество верующих. Кто же они? По данным Д. Г. Шигаева (УАИ), выясняется, что это, главным образом, наименее образованная часть населения, люди старшего возраста. Вместе с тем оказывается, что некоторая часть верующих — относительно молодые люди, а некоторые из них имеют даже среднее образование. Поэтому неправильно мнение некоторых практиков о том, что религия — дело стариковское и с уходом из жизни старшего поколения она сама собой отомрет. Для ликвидации религии нужна активная атеистическая пропаганда. Школа, например, не может ограничиваться только безрелигиозным воспитанием. Основной инструмент, через который религиозность передается от старшего к младшему поколению — семья. Религиозному воспитанию в ряде семей школа должна противопоставить не безрелигиозное воспитание на уроках, а активную, наступательную атеистическую пропаганду.

Исследования Д. Г. Шигаева (См.: //Учитель Башкирии, 1967, № 1,3, 12), проведенные среди мусульман Башкирии и других областей Урала и Поволжья, показывают, что сознание современного верующего представляет пеструю смесь из религиозных идей и жизненных представлений и идей, вложенных нашей пропагандой. Положительное, социалистическое содержание этого сознания на деле вложено в верующего самой нашей жизнью и нашей коммунистической пропагандой, но для самого верующего оно выглядит как полученное от религии. Таким образом, социалистические достижения приписываются самими верующими религии, не имеющей к ним никакого отношения. Этот момент психологии верующего нельзя не учитывать в практике атеистической пропаганды.

Помимо исследований теоретического порядка, о которых говорилось выше, социологи Башкирии проводят исследования и прикладного значения. Сюда относятся: изучение проблем рационального использования ИТР на заводе Синтезспирт (Д. А. Лалетин), причин текучести рабочей силы на электроламповом заводе (Н. А. Аитов, Р. Н. Кутушев), текучести кадров в торговле (Б. Г. Русских), участия ИТР в идеологической работе в Уфе и Белорецке (Б. А. Федев), запросов и интересов читателей газеты «Советская Башкирия» (Д. А. Лалетин) и др. Но в настоящее время

увлечение прикладными работами едва ли целесообразно. Дело в том, что социология, особенно в Башкирии, наука молодая, не накопившая достаточно теоретического материала для непосредственного применения своих достижений на практике. Ни одна наука не может дать серьезных практических результатов до тех пор, пока не разработана ее теория, пока в ней не решены принципиальные вопросы, кажущиеся зачастую весьма далекими от жизни. До сих пор еще неясно многое в функционировании механизма нашего общественного развития; мы лучше знаем общие закономерности развития социализма, чем многие частности. А без изучения этих «частностей» (частностей с точки зрения основных законов социализма) нельзя брать на себя смелость давать непосредственные практические рекомендации по целому ряду вопросов. Именно поэтому сейчас социологи Башкирии стремятся, в первую очередь, разработать общие, теоретические вопросы, накопить большой экспериментальный материал, овладеть техническими приемами исследований.

Как и в других центрах социологических исследований, в Башкирии наблюдается в настоящее время увлечение социологов анкетированием. Это своеобразная «детская болезнь» социологов, обусловленная недостаточным знакомством с другими методами и слабостью технической базы нашей науки. До сих пор технический персонал, крайне необходимый для обработки результатов исследований, имеется только в УАИ. Именно поэтому только здесь, кроме анкетирования, применяются и другие способы сбора фактического материала – выборка документальных данных, интервью, наблюдение, которые требуют от социологов значительных затрат рабочего времени. Однако выясняется, что хотя с помощью анкетирования можно при относительно небольших затратах рабочего времени получить довольно интересные результаты, все же метод анкетирования имеет и серьезные недостатки, а ряд вопросов вообще принципиально нельзя изучать этим методом. Таким образом, широкое использование иных, неанкетных методов исследования становится настоящей необходимостью. Но это требует соответствующей материальной базы. Поэтому возникает необходимость организации в Уфе специального научно-исследовательского учреждения, занимающегося социологическими исследованиями. Это тем более важно, что сейчас на некоторых крупных предприятиях организуются свои социологические лаборатории со штатными работниками, деятельность которых необходимо координировать».

Аитов Н.А. Штрихи истории // СОЦИС, 1997, №8, С.107–108.

Социология в Башкирию пришла как порождение «хрущевской оттепели». В 1964 г. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР выделило Уфимскому авиационному институту (под конкретный и целенаправленный запрос) четыре госбюджетные единицы. На их базе и была создана первая в республике социологическая лаборатория.

Известно, что это было время крушения многих прежних представлений, ломки в сознании, поиска нестандартных для прожитых лет решений, путей развития. И на социологию, как научное направление, соединяющее науку и привычную практику жизни, возлагались в этот период большие, порой даже невыполнимые, надежды.

Первыми уфимцами, проявившими глубокий интерес к новому в республике научному направлению, стали заслуженный учитель Башкортостана, директор школы, впоследствии доктор наук В. Д. Попов и работник горкома партии Л. Н. Фенин, позднее также защитивший кандидатскую диссертацию. Более же всего становление социологии в республике обязано активному, многолетнему внима-

нию к ней ректора Уфимского авиационного института, доктора технических наук Р.Р.Мавлютова. Примечательно, что среди активных ее сторонников было много низовых партийных и советских работников, хорошо понимавших тогда, что «не все ладно в королевстве датском». С их помощью, кстати, созданная лаборатория через год получила статус социологической лаборатории обкома партии, что безусловно сказалось на общем уровне организации исследований. Достаточно быстро в них наряду с учеными Авиаинститута «втянулись» ученые Института истории, языка и литературы Башкирского филиала ЛИ СССР, Медицинского, Нефтяного, Сельскохозяйственного, Бирского педагогического институтов, работники партийных и советских органов. Серьезную помощь в овладении методикой исследования оказали ученые Института конкретно-социологических исследований АН СССР, Института международного рабочего движения, Института комплексных социальных исследований при ЛГУ.

Нашим первым крупным достижением в этой области стало исследование текучести кадров на предприятиях Уфы, Стерлитамака и Салавата (опрошено 8366 человек). Его результаты корреспондировались со сравнительным советско-польским исследованием и были изложены в коллективной монографии «Социальные проблемы труда и производства» (Москва – Варшава, 1969 г.).

В этот же период мы провели ряд исследований по социологии образования. Они показали, что получение рабочими среднего образования, вопреки данным Министерства просвещения СССР, не дает фактически экономического эффекта. Такое заключение вызвало ряд критических замечаний, его организаторов объявили реакционерами, врагами культуры и образования. К счастью, жизнь подтвердила наши выводы.

К 1969 г. мы нашли, наконец, свою «научную нишу» – региональное социальное планирование. В этом году мы составили первый в СССР план социального развития города Нефтекамска, в 1970 г. – Стерлитамака. Анализ показал отсутствие теории и методики социального планирования, и мы занялись разработкой социологической теории города, теории социологии регионов, методики планирования социального развития городов и сельских районов. На этой базе защищены докторские диссертации Ф. Файзуллиним, Р. Камаевым, А. Баимбетовым, Р. Злотниковым, В. Поповым и около десятка кандидатских диссертаций. Практические выводы активно использовались при планировании социального развития г. Учалы (Башкортостан). Миасса и Магнитогорска (Челябинская область), Камышина (Волгоградская область) и Набережных Челнов (Татарстан). Последнее натолкнуло на мысль о необходимости социального проектирования новых городов и предприятий, коренной технической реконструкции существующих предприятий (См.: Ж.Т.Тощенко, Н. А. Аитов, Н. И. Лапин. Социальное проектирование, М., Мысль, 1982; Н. А. Аитов, Р. Б. Камаев. Новый промышленный центр и село. М., Экономика, 1983; Г. В. Панков, Н. А. Аитов, С. Г. Селиванов. Непрерывная реконструкция предприятий машиностроения. М.: Машиностроение, 1991).

Другим направлением работы башкирских социологов стали проблемы социальной структуры общества. Этому была посвящена моя докторская диссертация, первые исследования в области социальных перемещений в СССР, исследования колхозного крестьянства (Р. Б. Камаев, Ю. В. Акатьев), служащих-неспécialистов

(Б. Г. Русских), рабочих-нефтяников (Я. П. Ладыжинский), студенчества (Ф. Г. Хайруллин), неквалифицированных рабочих (А. Ш. Ташбулатова), инженеров (Д. А. Лалетин).

Социологии культуры были посвящены работы Р. А. Злотникова. Серьезные исследования в области социальных последствий научно-технической революции провел С. Ф. Елисеев. Думаю, что и сейчас его книга – «Социальные проблемы современной научно-технической революции», вышедшая почти четверть века тому назад, не потеряла значения. Из исследований Р. Т. Насибуллина по трудовой мобильности впоследствии «выросла» еще одна докторская диссертация.

Таким образом, в 60–80-х гг. в Башкирии сложилась школа социологии, занимавшая заметное место в советской науке.

Аитов Н. А. История с историей социологии. Социологические исследования. 1997. № 3. С. 139–142

В январе 1960 г. я провел первое (и не очень удачное) социологическое исследование и с тех пор вот уже более 36 лет занимаюсь этой наукой — сначала в чисто исследовательском плане, а последние 7 лет — преподаю социологические дисциплины. Тогда, в 1960 г., нас — доморожденных одиночек-социологов — было едва ли двадцатка на весь Советский Союз. У нас было больше желания, чем умения заниматься социологией. Сплотила нас совместная борьба за создание и выживание социологии, которую тогда часто называли «буржуазной проституткой».

Об этом вспомнилось, когда мне в руки попала книга, изданная Институтом социологии РАН и Московским научным фондом — «Социология России» (М: изд. «На Воробьевых», 1996 г., 700 с.). Пахнуло нашей молодостью, поисками, мучениями тех лет. Эту книгу прочитал захлеб, одним духом. В самом деле, она получилась интересной. И главное: никто до авторов данного труда не пытался обобщить большой научный путь, который прошла отечественная социология. Все писали только о Карееве, Михайловском, П. Сорокине. Да и трудно писать историю событий, которые произошли относительно недавно, и большинство участников которых еще живы.

Книга сделана добросовестно, и является в полной мере исторической в том смысле, что в ней нет исторической неправды, искаженных фактов.

И все же книга заставляет задумываться над тем, как надо писать историю науки. Когда, например, пишут историю физики, то отмечают, что Архимед открыл закон, по которому предметы плавают, Ньютон — закон всемирного тяготения, Ом — закон электрической цепи, Резерфорд заложил основы учения о радиоактивности и строении атома и т.д., т.е. пишут не о том, что человек делал, а о том, что он сделал. При этом историки физики описывают эту науку не как нагромождение отдельных, не связанных друг с другом открытий, а как определенный поток приращения знаний, в котором открытия Эйнштейна вытекают из открытий Ньютона.

К сожалению, первая попытка создания истории советской социологии оказалась несовершенной. Из нее становится известным, что в Уфе исследовали одно, в Новосибирске — другое, в Ленинграде — третье. И остается в большинстве случаев загадкой: кто и что открыл и открыл ли вообще что-нибудь. (Есть здесь лишь одно исключение: подробно рассказано, как и что нового открыл в области отношения рабочих к труду В.А. Ядов — главный редактор книги.) А внесла ли советская социология вклад в мировую социологию или так и осталась бедной ученицей западных социологов? — На эти вопросы в данном научном труде я не нашел ответа.

Между тем, эти вопросы очень важны, исходя из двух соображений. Вилен Иванов вполне справедливо пишет: «В основе новейшей западной (европейской) культуры лежит, как известно, идея примата личности (и индивида), ее прав и интересов. В основе восточноевропейского и азиатского менталитета лежит идея примата общности. И заменить одно на другое механическим, быстро под нажимом сверху без серьезных потерь невозможно» [1]. Государство казарменного социализма, существовавшее в нашей стране, резко отличалось от развитых капиталистических стран, и уже в силу этого многие теории и рецепты западных социологов оказывались не применимы в наших условиях.

Сейчас все страны СНГ существуют в условиях переходного периода, когда происходит трансформация казарменного социализма в капитализм. Такого явления не было в истории Западной Европы, США и Японии. Чем, например, в этих условиях нам может помочь теория Ральфа Дарендорфа о путях разрешения конфликтов? Возьмем лишь один факт – забастовки. (В Казахстане забастовки происходят исключительно из-за невыплаты зарплаты – Западная Европа этого не знает.). Причем, и в Казахстане, и в российском Приморье никто не знает, кто виноват в невыплате зарплаты. Вот и получается, что неизвестно против кого выступают бастующие. И как в таком случае нам могут помочь рецепты Р. Дарендорфа о путях решения конфликтов? Именно несхожесть западных и восточных обществ и их менталитетов диктовала, используя опыт западной социологии, необходимость разработки своей теории социологии, адаптированной к реалиям советского общества (ныне – переходного общества). Справилась ли советская социология с этой задачей? – ответа на этот вопрос я в книге не нашел.

Второе соображение заключается в том, что в советской социологии фактически существовали два течения. Представители одного из них, в основном московские, ленинградские и новосибирские социологи занимались «высокими» теориями, стараясь усвоить как можно больше из западной социологии. Безусловно, они имеют большие заслуги перед советской социологией хотя бы потому, что приобщили нас к выработанной на Западе методике и технике социологических исследований.

Другое направление развивалось в провинции. Представителям этого течения были недоступны поездки за границу, затруднялся доступ к зарубежной литературе. Как правило, его развивали те, кто пришел в социологию с практической партийной и советской работы (как и автор данной статьи) и с устремленностью на достижение реальных результатов для решения многих накопившихся тогда (в советском обществе) проблем. К сожалению, это направление осталось в книге практически без освещения. Здесь подробно проанализирована работа только московских, ленинградских и новосибирских школ социологии (видимо, потому, что крупнейшие социологи этих школ в конечном итоге переехали в Москву). Проявляется даже своеобразный «ИС-центризм»: в книге упомянут почти каждый младший научный сотрудник Института социологии РАН, но почти ничего не говорится о таких крупных ученых, как В. С. Семенов, Г. П. Давидюк, З. И. Файнбург, М. Межевич, Г. Ф. Куцев, В. Успенский, Ю. Васильчук, С. Ершов, В. Мордкович, которые внесли немалый вклад в отечественную социологию.

Вследствие такого подхода из книги выпали крупные разделы социологического знания, такие, например, как социология регионов (здесь весомый вклад внесли О. И. Шкаратан, М. Межевич и другие), а также социальное планирование и проектирование. Это второе направление слегка упоминается в главе по соци-

ологии труда. Видимо, автор этой главы слышал о социальном планировании на предприятиях, проблемы которого больше всего связаны с социологией труда. А вот о региональном социальном планировании не ведал. Оно, во-первых, не связано с социологией труда; во-вторых, им не занимались в Институте социологии.

Между тем социальное планирование и проектирование были крупнейшей попыткой решить ряд противоречий советского общества. Причем, попыткой, шедшей от «низов» партийной иерархии – в основном от секретарей парткомов предприятий, горкомов и райкомов. Я не знаю почти ни единого случая, когда бы это стихийное движение поддерживалось на уровне обкома или ЦК нацкомпартий. Надо сказать, что в ряде случаев социальное планирование помогало решить многие назревшие тогда проблемы. Его неправильно сводить-как это сделано в книге-только к решению вопросов развития социальной инфраструктуры. Важнейшей стороной социального планирования и проектирования являлось управление социальными процессами. Если бы использовались рекомендации социального планирования по регулированию национальных отношений, то, может быть, при распаде СССР не было бы такой межнациональной резни.

Поэтому, несмотря на исчезновение государственного экономического планирования, социальное планирование и проектирование в странах СНГ вовсе не исчезло, как это считает А. И. Кравченко, – они долго еще нам будут нужны.

Из социологии образования, если судить по данной книге, исчезли фамилии Э. Н. Камышева, Б. Рубина, Ю. Колесникова, заложивших основы вузовской социологии, видимо, потому, что они – не москвичи. Парадоксально, но из социологии культуры исключены Л. Н. Коган, Э. С. Маркарян, В. Давидович. Можно социологию культуры отставить от Л. Когана, но нельзя Л. Когана отставить от социологии культуры. Удивительно, что в книге нет даже упоминания о таком важном этапе развития нашей социологии, как советско-польское сравнительное исследование, результаты которого изложены в книге «Социальные проблемы труда и производства» (Москва – Варшава, 1969 г.), где впервые вышли со своими идеями на международную арену В. Ядов, В. Шубкин и З. Файнбург. Отсюда пошла советская социология труда.

Нет в книге упоминания о многих важнейших акциях советских социологов. Так, в начале 80-х годов было проведено всесоюзное исследование социальной структуры городского населения, охватывающее Россию, Эстонию, Литву, Киргизстан, Молдавию и Казахстан. Итоги этого уникального исследования были опубликованы в московской печати [2] и были определенным подходом к развитию теории социальной структуры. Но поскольку социологи ИС АН СССР в этом исследовании не участвовали, то о нем в книге по истории русской социологии нет ни слова.

Как видите, замечаний к первой книге по истории социологии России (а точнее СССР) довольно много. Но, думается, что они обусловлены именно тем, что это – первая книга в данном направлении, первая попытка. И мои замечания направлены именно для того, чтобы они были учтены при дальнейшей работе над историей советской социологии, внесшей немалый вклад в мировую социологию. Нельзя все перечеркивать в нашем советском прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социс, 1996, №3, с. 22.
2. Советский город. Социальная структура. М.: Мысль, 1988.